

ВЕЗИРИ
ИЛИ
ОЧАРОВАННЫЙ
ЛАВИРИНӨЪ.

ПОВѢСТЬ ВОСТОЧНАЯ

ЧАСТЬ III.

Переведена ВАСИЛЬЕМЪ ЛЕВШИНЫМЪ.

въ Москвѣ
Въ Университетской Типографіи у Н. Новикова.
1780 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго университета Господь Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ Везири или Очарованный Лавиринөъ, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ, почему она и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ВЕЗИРИ
ИЛИ
ОЧАРОВАННЫЙ
ЛАВИРИНӨЪ.

Не безъ чувствительности, свойственной горячему сложенію, узналъ Цериръ, что Сагебъ противится слѣдовать повелѣніямъ его, и приближается въ Карецму, и новый наперсникъ его Мелекъ, лилъ съ искусною ненавистію въ сей огонь масло. Но какъ споръ страстей часто упадаетъ къ выгодамъ разума, такъ и любовь, возторжествовавъ прежде надъ гнѣвомъ и гордостію, вступила на путь покойнейшихъ разсужденій.

Влюбленный Король вспомнилъ, что Сагебъ, есть отецъ Цулики, и рѣшитель его благополучія; по чему принялъ отъ упорствующей Мелеховой руки письмо въ которомъ Везиръ непослушаніе свое извинялъ въ трогательныхъ выраженіяхъ усердія и дружества.

Великодушное, отъ страстей своихъ въ заблужденіе приведенное сердце, хотя возмущается, естли попрпятствуютъ ему въ желаніяхъ; но съ благодарностію пріемлетъ непріятныя представленія, когда вѣдаетъ, что текутъ сіи отъ праводушныя склонности. Сіе позналъ Церирь. Онъ простерся далѣе въ надеждѣ, кою вливала въ него Везирева привязанность къ нему, не сумнѣвался болѣе въ будущемъ его согласіи, и возлагалъ на себя вину неосмотрительности, что не увѣдомилъ его о причинѣ, за чѣмъ отвергаетъ онъ Принцессу Цаблестанскую.

И такъ надежда взяла опять во власть свою сердце его, и мысли его стали спокойнѣе. Онъ довольно предвидѣлъ, что естли возобновить повелѣніе свое о возвратѣ Перизады, когда она можетъ быть уже въ земляхъ Карецмскихъ, то можетъ огорчить Везиря, и положить новыя препоны и замедлѣнія въ разрѣшеніи судьбы своей. Однакожъ за необходимое считалъ, убѣгнуть присутствія сей невластной Принцессы. Онъ повелѣлъ принять ее со всѣми знаками почтенія, и остановиться ей въ замкѣ, лѣжащемъ по пути къ Цамакшару.

Не возможно описать ужась Мелека, когда повѣрилъ Церирь ему все таинство, и усмотрѣлъ, коль неразумно поступилъ онъ противу Сагеба. Малый и ползающій его разумъ не могъ постигнуть причинъ поступка сего мужа души великія. Какъ несумнѣвался онъ, что Везирь возвышеніе дочери своей предпочтешъ всѣмъ другимъ основаніямъ; то въ мысляхъ таковыхъ зрѣлъ онъ себя на краю гибели, и отшелъ изобрѣтать средства, чѣмъ бы миновать мнимую, висящую надъ главой его опасность.

Расположенія злыхъ людей всегда мѣшаются съ обманомъ, а провождаются новыми пороками. Мелекъ нашель случай, наполнить ложью уши Сафиры и Гулруцы, и увѣрить ихъ, что Церирь намѣренъ, получить Цулику во власть свою до возвращенія отца ея, дабы упредить всякія упорства къ соглашенію на то. Какъ ненавистный его ковъ не могъ быть опроверженъ женщинами, приписывалъ онъ имъ по крайней мѣрѣ робкую добродѣтель, и льстилъ себѣ, что сіи двѣ любви достойныя другими, употребятъ соразмѣрные намѣреніямъ его способы. Въ добрыхъ мысляхъ, которыя имѣлъ объ нихъ, онъ необшибся; но основанное на томъ произшествіе учинилось не сходно съ ожиданіемъ его.

Чтобъ освободить дочь свою отъ угрожаемаго нападенія, воназмѣрилась разумно обезпокоенная Сафира, послать ее подъ покровительствомъ Гулруцы и Елиха въ Королевство Туранское. Предпріятіе сіе содержано очень тайно; но какъ проискывающая злоба умѣетъ проникать скрытнѣйшія углы осторожности, и жадное корыстолюбіе сокровенное для того только вывѣдываетъ, чтобъ изъ драгоцѣннаго содержанія онаго сдѣлать злоупотребленіе; то Руска, отпущенная изъ службы Сафириной, открыла причины пріуготовленія произходящія въ домѣ Сахеба, спѣшила кипящая мщеніемъ къ Цериру, и требовала защищенія своей воспитанницѣ

Горячій Монархъ отъ вѣсти сей пришелъ въ неописанный гнѣвъ; но лукавая невольница нашла способъ удержать оный, представя ему, что гораздо пристойнѣе для любви и чина его, освободить Цулику отъ насильства Гулруцы, чѣмъ отнять изъ покровительства ея родительницы.

Въ слѣдствіе сего заключенія разставлены многіе отрадные караулы, и по данному онымъ знаку, получили Цериръ въ руки свои склонную красавицу. Темнота ночная благопріятствовала ему, скрывъ непристойныя его восторги, и къ крайнему изумлѣнію Мелека, возвратился онъ во дворецъ съ дражайшею своею добычею.

Въ томъ, какъ обманутый придворный укорялъ себя, что поспѣшествовалъ соединенію, котораго, яко величайшаго нещастія опасался, и въ крайнемъ огорченіи сидѣлъ у дверей, противу открытаго поля находящихся, на коемъ измѣненная невинность съ пламенемъ любви неравный бой имѣла; увидѣлъ онъ въ дали Везиря, приближающагося поспѣшными шагами нетерпѣливаго безпокойства, и сей единый разъ привелъ его въ зломъ намѣреніи произвести доброе дѣло, увѣдомленіемъ Сагеба о опасности его дочери.

Подобно кормчему, изчерпавшему уже бодрость и искусство въ стараніи проплыть камни и отмѣли опаснаго моря, который безъ спасенія числитъ себя погибшимъ, находя, что корабль его влечется въ страшномъ вихрѣ незнакомыя пучины. Равно было съ Везиремъ. Церировы прежнія жестокости не побѣдили его постоянства. Последнее отъ него Перизадѣ оказанное поруганіе совсѣмъ оное ослабили. Не бывъ постигнуть смертнымъ ужасомъ, не могъ принять онъ сей неожиданный ударъ, кажущійся на вѣки раздробляющимъ честь его и всѣ прочія надежды.

Мелекъ, коему сіе пораженіе, показалось въ немъ обморокомъ, старался изъ онаго Сагеба привести въ себя. Гласъ злаго челоуѣка удобенъ только смерть приключать, а не жизнь возвращать добродѣтельному сердцу. По щастію случилась тогда пристойнѣйшая помощь. Цериръ не уважилъ посадить подъ стражу Гулруцу, какъ учинилъ то съ Елихомъ. Она явилась съ оставленною Сафиною въ сіе мгновеніе, во время когда сами они бродили въ пустынь отчаянія.

Обомлѣвшій Сагебъ трогаящими объятіями возлюбленной супруги, коя орошала его слезами, и ревностными попеченіями Гулруцы приведенный въ себя, получилъ вскорѣ употребленіе разума своего. Онъ запретилъ имъ обѣимъ слѣдовать за собою, и съ врожденнымъ своимъ мужествомъ пошелъ во дворецъ.

Почитающая ево стража не препятствовала ему входъ во внутренніе покои. По повелѣнію его отворяли всѣ двери. Цериръ ужаснулся, видя на челѣ его начертанное величестію и негодованіе, сталъ безмолвенъ, и въ крайнемъ замѣшательствѣ. Но не такъ было съ Цуликою. Въ радостномъ восхищеніи бросилась она къ родителю своему, обняла его колѣна, вопія:

О щастливый, высочайше благополучный часъ, въ который встрѣчаютъ взоры моего родителя, прежде нежели рѣки перевозмогающей любви погрузили сердце мое въ своихъ сладостяхъ. Да, дражайшій датель жизни моей, сей великодушный и любви достойный Монархъ, вздыхаетъ по своемъ и моемъ благополучіи, и почти уговорилъ меня, принять драгоценный подарокъ своея вѣрности, и безъ согласія твоего предаться его объятіямъ. О! я забыла бы мой долгъ противу тебя, естлибъ только усмотрѣлъ онъ, какъ сражалось сердце мое съ препятствующими моими устами, чтобъ не лишиться удовольствія принять отъ самого тебя согласіе и благословеніе къ толь славному для меня браку.

Невинныя черты лица Цулинина, и улыбками подкрѣпляемая ея откровенность, ободрили пораженный духъ Сагевовъ. Онъ поднялъ ее, обнялъ родительски, и кроткимъ гласомъ склонности сказалъ:

Спѣши, дочь моя! принести утѣшеніе твоей родительницѣ, въ каковое привела ты мое сердце. Она ожидаетъ тебя у воротъ дворца. Довѣрь ее и моимъ попеченіямъ твое истинное благополучіе.

По симъ словамъ возвела невинная дѣвица наполненные впечатлѣнія очи свои на Церира поцѣловала нѣжно руку отца своего, и пошла съ проворностію возвышенныя надежды.

Послѣ трогающаго явленія сего, слѣдовало замѣшательное молчаніе, которое прервалъ наконецъ Сагевъ, начавъ къ Цериру слѣдующее:

Какъ охотно желаю я пощадить стыдъ отъ твоего раскаянія, не буду я спрашивать о причинахъ того, что видѣлъ и слышалъ; и какъ дочь моя милостію небесъ избавлена отъ двойныхъ сѣтей твоего искушенія и ея несмысленности: то жалуясь я о удовольствореніи, коимъ долженъ ты мнѣ за толь недостойный поступокъ и незаслуженное поруганіе, къ собственному твоему сердцу.

Ахъ! объяви себя моимъ другомъ, вскричалъ Цериръ. Я не хочу представлять тебѣ чистоту моихъ намѣреній. Прости мнѣ великодушно, естли ты оскорбленъ, и требуй всего, что въ моей состоитъ власти.

Такъ послѣдуй мнѣ не медленно съ замокъ, подхватилъ Сагевъ, въ коемъ твои неодуманные приказы удержали Перизаду подъ караулочь; раскайся въ своемъ подломъ противу ея поступкѣ, и тогда забуду я мое собственное оскорбленіе. Еще хочу я быть твоимъ истиннымъ другомъ и вѣрнымъ подданнымъ, естли ты отдашь справедливость Принцессѣ, которыя красота такъ помрачаетъ всѣ красоты въ свѣтѣ, какъ блистающая Цехара {*Планета Венера по Персидски.*} стадо звѣздъ на голубомъ сводѣ. Что лѣжитъ до моей дочери.-- --

Удержи лютыя рѣчи свои, прервалъ Цериръ, не пронзай толь острыми стрѣлами словъ твоихъ сердца, которое противу тебя не имѣетъ оправданія, но и не можетъ склониться на твои неестественныя предразсудки. Предпріятіе, чрезмѣрно оскорбившее достоинство мое, предало въ руки

мои Цулику; но знай, что я еще прежде сего случая, который любовь моя учинила необходимостію, заключилъ возвестъ ее на престоль мой. Сіе ли толь ужасное тебѣ оскорбленіе? Безчестіе ли тебѣ, что назову я тебя отцомъ моимъ?

Такъ Государь! говорилъ Сагебъ, имя, которое во всѣхъ другихъ обстоятельствахъ было бы моею гордостію, днесъ покроетъ меня только срамомъ. Не подосадуи на мою необходимую вольность мнѣнія. Не время льститься мнѣ суетными идолами чести. Когда я уступилъ твоимъ желаніямъ, да, еще и съ перваго свѣта моего разума, возвелъ я очи мои къ пресвѣтлому престолу добродѣтели, предъ коимъ всѣ короны земныя прахъ суть. Тамъ только дочь моя можетъ во истинну возвыситься, туды долженъ я вести ее, вмѣсто чтобъ и самому сугубымъ преступленіемъ сбиться съ освященнаго пути сего. Я обязанъ вѣрностію твоею Принцессѣ, коя надмѣру достойна любви твоей и почитанія, и кою ты безъ казни оскорбить не можешь. Но естли бы я отъ имени твоего сватался за женщину и низкой природы, и когдабъ съ вѣроломствомъ твоимъ не соединялась опасность: то и въ такомъ случаѣ не хотѣлъ бы быти я совиновникомъ. Я обѣщаль Цулику Елиху, и когда бы она весь свѣтъ несла за собою въ приданые: то не нарушилъ бы я слова моего къ безпокровному сыну моего друга.

Цериръ желалъ скрыть нетерпѣливость свою къ высокодушной рѣчи Везиря своего; но услышавъ имя Елихи, не могъ удержаться болѣе, и сказалъ съ свирѣпымъ взглядомъ:

Стрегись, дерзскій человѣкъ! стрегись во зло употребить благодарность, коею долженъ я прежнимъ твоимъ заслугамъ. Сія обязанность угаснетъ въ мгновеніе, когда я вижу, что ты вмѣсто возстановленія сіянія моей короны, назначиваешь меня къ стыду презрѣнныхъ оковъ. Удались, и разсуди лучше о своихъ должностяхъ. Святѣйшее между оными должно состоять въ поспѣшествованіи щастія твоего Короля и твоей дочери -- Я сказалъ вмѣсто Короля, твоего друга, естлибъ неизвѣстный Елихъ не похитилъ у Монарха твоего сего имени. Въ три дни отдай мнѣ Цуликину руку, или, упорствуя одержать свое слово, готовся сочетать дочь твою съ бездушнымъ тѣломъ моего недостойнаго совмѣтника.

По семь отворотился онъ прочь отъ Сагеба, который оставилъ дворець съ горестію, каковая извѣстна только великодушнымъ и преизящнымъ сердцамъ, понуреннымъ дерзкой неблагодарностію, въ которой нѣтъ и того облегченія, хотя бы укорить себя въ причинѣ заслуженія оныя. Какъ между тѣмъ просвѣщенный и твердый разумъ Сагебовъ, не позволялъ доступа никакому легкомыслію чувствъ и намѣреній, кои толь общи большей части человѣковъ, и не давалъ имъ бросать себя, подобно волнамъ корабль безъ кормила; то не премѣнилъ онъ перваго предопредѣленія о нравѣ Церировомъ. Онъ видѣлъ еще въ сердцѣ Государя сего сѣмя всякихъ добродѣтелей; но оныя были зарости терніемъ страстей толь густо, что

требовалось искусной руки, исторгнуть вредныя сіи растѣнія. Сей помысль возвратилъ его на прошедшее. Онъ укорилъ себя, что не уменьшилъ гласъ разительныхъ выговоровъ и представленій, умалчивая, что праведный Министръ не имѣеть труднѣйшей у своего Государя работы, когда долженъ усладить естественную горечь истинны. По сему вознамѣрился онъ испытать силу уговоровъ, прежде принесенія Принцессѣ Цаблестанской толь жестокой вѣдомости. Въ намѣреніи ономъ больше укрѣпился онъ, узнавъ, что Елихъ дѣйствительно посаженъ Цериромъ въ темницу, и опасаясь, чтобы оный въ первомъ жару его бунтующихъ страстей не былъ жертвою страшныхъ его угрозъ.

Естьлибъ добрыя намѣренія Везиря имѣли дѣло только съ горячимъ Церировымъ сложеніемъ, можетъ бы достигли оныя своей мѣты; но по нещастію долженствовало имъ сражаться съ лукавою злобою, каковую, какъ довольно извѣстно, можетъ въ способное время употребить злый совѣтникъ.

Ни въ какомъ случаѣ, не нужна такъ человѣку подпора повѣреннаго, какъ во время ратованія его противу разума, истинны и правосудія. Праведный приводитъ умъ въ состояніе, сноситъ самому бремя мыслей своихъ подъ твердою тягостію скорби. Преступленіе обезсиливаетъ сердце замѣшательствомъ, подобно принуждаетъ его въ само себя возвратиться, и наконецъ искать посторонней помощи, для полученія своей крѣпости. Равно Цериръ едва только повелѣлъ вѣрному своему другу, удалиться съ глазъ, послалъ по ложнаго друга пріобрѣтеннаго неосторожно безразсудствомъ.

Мелекъ получилъ ожидаемое повелѣніе съ восхищеніемъ. Онъ въ дверяхъ дворца осторожнымъ окомъ наблюдалъ все производящее, и изъ безпокойнаго лица Сагебова выводилъ благосклонное для себя предзнаменованіе.

Коль ни пріуготовленъ онъ былъ къ тому, но добродѣтелию Сагеба тронуть былъ изумленіемъ и принужденнымъ почитаніемъ; но вскорѣ отдохнулъ отъ сего перваго движенія, приписывать великодушное заключеніе Везиря безстыдной гордости и несносному упрямству, и говорилъ толь пространно о опасномъ преступленіи подданнаго, который противится волѣ своего Монарха, что совсѣмъ замѣшалъ тѣмъ разумъ Церировъ, и выдавилъ отъ него приказъ, окружить жилище Сагебова отборною стражею, и Везирю возвѣстить, что не ему, ни домашнимъ его не позволено выступать изъ сихъ запертыхъ стѣнъ, по коль вручится Цулика объятіямъ ея царствующаго любовника.

Послѣ того, какъ Мелекъ утвердилъ въ такомъ образомъ основаніе злаго своего расположенія, чтобы не опровергла оно мочная рука добродѣтели, считалъ онъ за нужное Сагеба, коего увѣщаній уже не опасался, укрѣпить въ его великодушіи; ибо отъ сего ожидалъ добрыхъ послѣдствъ своимъ намѣреніямъ.

Съ довольно притворнымъ принужденіемъ возвѣстилъ онъ несчастному везиру, возложенное на него исполненіе, и открылъ ему притомъ предпріятіе, оказать все добрыя услуги сторонѣ справедливой, кои только не былибъ препоною собственныя безопасности; и слѣдственно выдумать средства Елиха свободить, и угнѣтенному дому дать способъ, оставить Королевство Карецмское.

Хотя всѣ таковыя коварства были избыточны; хотя великой душѣ Сагеровой не нужень билъ якорь къ твердому стоянію въ морѣ безпокойномъ: однако Мелеково предложеніе принято съ благодарностію; ибо лукавый придворный много пріобрѣлъ въ сердцѣ, наклоненномъ о каждомъ добро думать, чрезъ ревность оказанную къ спасенію чести Цуликиной.

Между мрачными закоулками, по коимъ неусыпный Мелекъ долженствовалъ красться къ обиталищу честолюбія, ложно блестящему, не меньше заботился онъ, каковыя шаги надлежало ему имѣть въ разсужденіи Перизады. Онъ столько жъ боялся Принцессы сея какъ и Сагеба, и не сумнѣвался, что оная прійметъ сего сторону, коль скоро красота ее утвердить право свое на сердце Церирово. Для сего страха берегся онъ напомнать имя ее предъ обезумленнымъ Государемъ; и любовь его къ Цуликѣ поддерживалъ въ безпрестанномъ упоеніи, оставляя времени извлеченіе его изъ сего Лавиринѳа затрудненій.

Въ томъ, какъ сей мнилъ себя быть властелиномъ будущихъ произшествій, Перизадины кроткіе и печальные воздыханія, Ангеломъ защитникомъ безпорочныя невинности взнесенные на небо, простерли оттуду на его и Церирову главу заслуженный ими бичъ, и доставили ей утѣшеніе въ великодушномъ дружествѣ.

Когда молва и любопоношеніе распространяють погрѣшности великихъ мужей, усугубляють при томъ скорость свою и помраченіе; гласы таковыя достигла жилища, въ коемъ Принцесса Дилемская желала быть погребенна въ забвеніи, и разрушили покой ея явными Церира обвиненіями.

Любви достойная Ситара брала въ судьбѣ сего неразумнаго Монарха нѣжнѣйшее участіе, чтобъ могла безъ ужаса снести помышленія о висящемъ надъ главою его бѣдствіи, и преизящное сердце, и еще болѣе тронута было несправедливостію его къ Перизадѣ. Она сравнила состояніе свое съ совмѣстницынымъ, коея щастію многократно завидовала, и нашла свое безконечно споснѣйшимъ. Она отторжена отъ родителя своего человѣкомъ преступнымъ и ненавистнымъ; но сей родитель ее не явилъ къ ней отцовской нѣжности. Перизада напротивъ оставила милосердаго достойнаго отца, чтобы соединишься съ великимъ и возлюбленнымъ владѣтелемъ, котораго нашла подла и вѣроломна. Ея плачевная страсть къ Цериру обрѣла непроницаемый ледъ равнодушія; но мученія

несоответственной любви отнюдь не толь болѣзненны, какъ глубокая язва, пронзаемая въ чувствительномъ сердцѣ непостоянствомъ.

Таковыя разсужденія, которыя могла бы утѣшить умъ менѣе великодушный нежели Ситаринь, были ей новымъ бременемъ горести. И такъ приняла она иройственное вознамѣреніе, жертвовать покоемъ жизни своей, чтобы сообщить Перизадѣ муру утѣшенія, и есть ли возможно, избавить Церира отъ золь, его окружающихъ. Вѣроломный Мелень не оставилъ почестъ Принцессѣ Цаблетанской жестокою вѣсть о Церировомъ непостоянствѣ, и умножить оную всѣми обстоятельствами, каковыя только могутъ нѣжное растлѣніе наклонить подъ косу смерти, какъ любви достойная Сипара появилась, подобно посланницѣ съ небесъ, ко удержанію потока, наводнившаго се уныніемъ. Твердость ея уже поколебалась отъ такового сильнаго удара; хотя она его и предвидѣла, нашедъ себя невольницею въ томъ мѣстѣ, гдѣ ожидала царствовать: ибо надежды любовныя никогда не облегчаютъ скорбь извѣстную. Къ тому же присоединялось нечаянное ея оставленіе Сагебомъ, понеже и сіе сердце, подобное Перизадину, долженствовало исполнить добродѣтельнаго негодованія.

Ситара уменьшила сіе послѣднее болѣзненное помышленіе. Она увѣдомила ее о великодушій Везиря, и мздѣ, кою воспріялъ за то чрезъ лестъ Мелекову; ибо дѣянія Королей выставлены предъ столь множественныя бдящія взоры, что недолго остаются подъ покрываломъ молчанія.

Принцесса Дилемская рассказала Перизадѣ нещастное приключеніе свое съ благороднымъ чистосердіемъ. Она не скрыла отъ ней чувствованій своихъ къ Цериру, и увѣнчала великодушіе сея повѣренности объясненіемъ, что она немедленно послѣдуетъ въ Цамакшаръ, и свѣтомъ истинны и разума раздѣлитъ мрачность, въ которой злость Мелехова отъ природы праведнаго и добраго, только пылкаго въ страстяхъ своихъ, Государя созываетъ.

Перизада при повѣствованіи Ситары разныя испытала чувствованія Она трепетала отъ страшной судьбы Принцессы, которыя красота, заслуги и мудрость въ любви, толико достойны были почтенія и удивленія, и сожалѣла о печальномъ ея состояніи. Скорбь ея уменьшилась на нѣсколько чрезъ отданную сею Цериру похвалу, и страстную его любовь къ ней; но когда Принцесса Дилемская старалась ободрить надежды, кои уповала, что произвела въ груди ея, и говорила о своемъ отъѣздѣ, тогда схватила она ее въ свои объятія, и съ пролитіемъ слезъ вопіяла:

О ты, коея намѣренія толико возвышены надъ слабостями смертныхъ, что я почти сумнѣваюсь, не небесное ли ты существо! не оставляй меня окруженну отчаяніемъ. Да не обманется преизящное сердце твое лестнымъ прозерцаніемъ, ласкательствующимъ несравненнымъ твоимъ добротамъ. Неколебленая моя къ Цериру склонность не оставляетъ мѣста ни малому

сумнѣнію о истинѣ сказаннаго тобою въ похвалу его; но и въ возвышенномъ моемъ почтеніи къ нему простираюсь еще тебя далѣе, теряя тѣнь надежды, кою ты тщетно объемлешь. Словомъ: я жалуясь на злохотнаго дива {*Дивы считаются за родъ злыхъ духовъ.*} въ моемъ злощастіи: ибо помысль, въ которомъ мое воображенное лице могло бы противу стать твоимъ прелестямъ и добродѣтелямъ, долженъ только сверхъестественною судьбою принудиться къ непостоянству. Престань потому стремиться къ невозможности; научи меня твоей умѣренности, твоему сладкому терпѣнію, подкрѣпи мой слабый разумъ. Твой нѣжный слухъ не долженъ уязвиться суровымъ звономъ чувственности къ общему нашему любовнику. Никогда не возглашу я о мщеніи божіемъ или человѣческомъ на владѣтеля, которому отдано мое сердце, и обязана моя вѣрность. Безъ роптанія останусь я въ стѣнахъ сего замка, который мнѣ сноснѣйшее заточеніе, нежели будетъ цѣлый пространный свѣтъ, естли отлучусь отъ него; ибо я уповаю вѣчно жить близъ моего возлюбленнаго. Да будетъ здѣданъ гробъ мой въ землѣ травы, орошенной моими тайными и боязненными слезами. Проводи душу мою словами мира изъ несчастнаго ея пребывалища въ обитель вѣчныхъ радости. Тамо испрошу я тебѣ награду, надлежащую невинности твоей и смиренію.

Ситара не намѣрена была противиться бури праведнаго сѣтованія, преклонила чело покоренія предъ всемогущимъ престоломъ, отъ коего низходятъ на землю печали и утѣшенія, и ласкала себѣ, что можетъ быть пошлется отрада новая ея подругѣ.

Никакое дружество не бываетъ толь живо, нѣжно и продолжительно, какъ производимое съ сходмостями добродѣтелей. Зависть и ревность не могутъ участвовать въ семъ освященномъ союзѣ, понеже оно препятствуешь мѣстничеству о заслугахъ или красотѣ и самому подозрѣнію, толь часто вливаемому совмѣстничествомъ въ любви.

Какъ Принцессы соединили таковымъ образомъ свои возвышенныя души: то возымѣли взаимно сію совершенную довѣренность, каковую только время можетъ приводить въ созрѣніе, сіе изліяніе сердца, кое въ щастливомъ состояніи толико увеселительно, и въ печальномъ утѣшно. Но хотя сіе сладкое сообщеніе мыслей иногда удерживаетъ тонъ скорбей; но не можетъ быть инако, чтобъ не продолжать оный теченіе свое съ сугубымъ рвеніемъ, до коль не иссохнетъ его источникъ. Такъ можетъ чувствуетъ уязвленная серна ослабленіе отъ употребляемыхъ ею цѣлебныхъ травъ; но не исцѣляется совсѣмъ, до коль стрѣла жестокаго ловца дѣйствіемъ сильнаго Диптама изпадетъ изъ кровоточной ея груди.

Ситара довольно была доказана въ сей истиннѣ, видя избраннѣйшій кринь цвѣтуцій въ садахъ красоты, увядающій въ прелестномъ его корени. Она употребила по тому изъ полей нѣжности оружіе заклинаній, дабы Перизадино несогласіе на ея предпріятіе побѣдить, здѣлавъ копіемъ

уговореній опытъ въ твердое Церирово сердце; но чувствительная и многонещастная Принцесса трепетала отъ сего покушенія, которое предубѣжденнаго Монарха можетъ предать болѣзненнымъ сраженіямъ, и можетъ быть рѣшится къ собственному ея замѣшательству.

Мнѣніе, коимъ объемлются слабумыслящіе и порочные умы, по которому невидимымъ и злымъ существомъ присвоется нѣкоторая власть, было довольно безбожно, чтобы возмогло поколебать основательную силу опредѣленія въ Перизадѣ, и быть принято чистымъ ея сердцемъ. Она опровергала оное, яко заблужденіе разсыпаннаго своего разума и. омраченіе любовнаго. Она признавала, что возвышенное правосудіе не можетъ дозволить, чтобы возбуждались съ силою своей злобы, кои предъ страшнымъ его судилищемъ воздадутъ отчетъ въ томъ. Она находила многія причины извинять Церира съ сожалѣніемъ и еще множайшія, для коихъ не хотѣла разлучиться отъ возлюбленной своей другини, доколь Ситара не обратилась въ суровымъ и незаслуженнымъ гоненіемъ, которыя преизящный Везиръ терпѣлъ за нее, и оружіемъ великодушія получила ее согласіе.

Вовремя, когда дружество простирало крылья ревностнаго усердіе, раздѣлить густой облакъ коварнаго ласкательства и измѣническихъ совѣтовъ, запуталась неосторожная злоба въ собственные свои сѣти. Съ не многихъ дней, кои назначилъ Цериръ Сагебу къ рѣшительному отвѣту, прошло уже довольное время, и хотя Мелеково ухищреніе содержало страсть его въ Цуликѣ въ безпрестанномъ жару; во честлюбивый придворный, который былъ болѣе предприимчивъ, чѣмъ искусень, не довелъ еще дѣла къ развязкѣ; поелику самъ не придумалъ, что наилучше избрать ему.

Въ его состояло власти, облегчить Сагебу бѣгство; но никакое удаленіе не есть защита подлой трусости. Лютый нравъ его лучше желалъ бы совсѣмъ истребить съ свѣта Везиря сего; но не согласовалось то съ его намѣреніями, и успокоилось стремленіемъ Церировымъ, который безпрестанно возобновлялъ свои угрозы, но не могъ принудить себя къ толь строгому поступку, противному добротѣ его сердца.

Мелекъ взиралъ на мгновеніе, которое свободить его отъ Сагеба, и слѣдственно отъ Цулики, какъ на часъ, въ который Перизада достигнетъ опять Церировой склонности, и возвратитъ его по прежнему добродѣтели. Съ нимъ было подобно, какъ съ кормчимъ, коего корабль носится между двухъ опасныхъ горъ, и коему недостаетъ ни искусства, ни мужества; по чему оный, вмѣсто чтобы осмѣлившись продолжать путь свой, бродитъ въ страшномъ проливѣ, и предлѣжитъ опасности нечаяннымъ валомъ волнь быть брошену на камень и разбиту.

Въ сей нерѣшимости распростеръ онъ мрачныя сѣти, въ которыхъ истинна и клевета весьма искусно вмѣстѣ были сотканы. Одинъ достойный его

посланный, отправленъ былъ съ симъ бѣдственнымъ орудіемъ отчаянія, запутать во оное Перизаду; но тщетно ожидалъ онъ боязненно извѣстія о слѣдствѣ, и положила на тѣ, коими онъ окруженъ былъ. Вся власть его, коварство и обѣщанія, меньше дѣйствовали ни простыя и неповрежденныя души, какъ обворожающая пріятность и отмѣнная печаль несчастной Принцессы.

По сему онъ къ настоящему побудительному основанію, для чего Ситара въ сіе бѣдственное время ко Двору явилась, не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Онъ еще радовался тому, и льстилъ себѣ, что оная Принцесса, которыя склонность къ Цериру изъ прежняго попеченія о немъ въ часы опасности была вещь всѣмъ извѣстна, будетъ просить его помощи къ произведенію своего намѣренія, истребить обѣихъ совмѣстницъ изъ сердца, могущаго скучить препятствіями и неизвѣстностію, и такое намѣреніе ухватилъ онъ яко надежднѣйшее.

При видѣ Ситары лучъ радости оживилъ блѣдное и увядшее лице несчастнаго Монарха. Ихъ его толь долго гнѣвомъ пылавшихъ, и послѣ угаснувшихъ печалію очей, простерся спокойный лучъ радости и благодарности; и хотя онъ въ то мгновеніе укорялъ себя втайнѣ любовію своею къ Гуликѣ, какъ неоправдаемою несправедливостію къ Принцессѣ Дилемской; но стыдъ вскорѣ побѣжденъ удовольствіемъ, что нашель совсѣмъ себѣ подверженное сердце, коему ужасъ мыслей своихъ безопасно ввѣрить могъ.

Есть ли бы Ситара и намѣрена была, употребить противу Церира оружіе укоризнъ, то состояніе его исторгло бы у ней сіе опасное средство; ибо движенія души ея и самый кроткій гласъ склонности привела въ недѣяніе. Обязательное ея безпокойство ободрило пристыженнаго Государя. Онъ открылъ уста чистосердечія, и рассказалъ ей свою несчастную любовь, и слѣдствія оныя съ горячностію, съ каждымъ словомъ умножающеюся. Такъ прибавляетъ желѣзо въ кузницѣ раскаленіе свое съ каждою искрою, кою выбиваетъ молотъ изъ твердыхъ боковъ его.

Сожалительная Ситара слушала его, не прерывая, поколь воздыханія и слезы ея охладили воспаленную его душу, и разтопили укрѣпившуюся скорбь его. Наконецъ сказала она:

Не мнѣ, Гоударь! прилично сражаться съ силою страсти, которая, какъ я опасуюсь, есть толико непреоборима, какъ ты утверждаешь. Всего меньше дозволяется мнѣ, укорять твое поведеніе, но позволь одно только возраженіе, которое пристойно моему полу и моей ревности къ твоей славѣ.

Когда ненастная Ситара въ первые предстала твоему высокому присутствію, когда лице ея покрыто было стыдомъ, распростертымъ на ней отъ человѣка безбожнаго, когда она къ стопамъ твоимъ отослана родителемъ, твоимъ непримиримымъ непріателемъ: не воздвигъ ли ты ее изъ праха замѣшательства, изрѣченіями гласа благоволеній? Не позабылъ

ли ты собственную скорѣбь свою, чтобы успокоить ее? Не нашелъ ли ты ей мѣста въ твоемъ дружествѣ, хотя сердце твое тогда наполненно было истинною и благо основанною радостію? Не уже ли источникъ сожалѣнія и милости въ великодушномъ сердцѣ твоемъ толико изчерпанъ, что не можешь ты сообщить каплю онаго препятнѣйшей и ненастнѣйшей Принцессѣ Перизадѣ?

Она не странница, не дочь врага твоего, прибѣгающая къ сожалѣнію твоему въ несчастіи, которому ты самъ причиною. Она Принцесса, которая въ родителѣ обрѣлъ ты славный образецъ твоей храбрости, коя на справедливость твою имѣла право, когда ожидала любви твоей. Ты искалъ ее въ странѣ отдаленной, и днесъ, когда она по усиленнымъ моленіямъ твоимъ, надѣющаяся на вѣрность твою, спѣшила въ твои объятія, находить себя какъ невольницу въ твоемъ государствѣ, отъ тебя оставленную, и призираемую твоими льстецами.

О! естли бы ты видѣлъ хотя единую каплю чистыхъ токовъ кои, подобно рѣкамъ, проливаются изъ любви достойныхъ очей ея: безсумнѣнно увѣрена я, что всѣ прелести Цуликины, которыхъ ни мало уменьшать не думаю, не тронули бы такъ твое сердце, какъ сіи слезы, сей драгоцѣнный ужасъ души истинно чувствительныя и невинныя. Да, Государь, сія дѣйствительная Пери красотою и совершенствами, любить тебя возвышенною склонностію, которая желаетъ, равно какъ провождаемаго высочайшимъ благополучіемъ дарованія, и яко дара, который можетъ сообщить возлюбленному предмету. Ты былъ бы восхищенъ симъ благороднымъ желаніемъ, и коль мало ты предвидишь мученій, коихъ оно будетъ тебѣ стоить. Въ самомъ дѣлѣ, Государь! ты долженъ сему неоцѣненному сокровищу дать мѣсто въ своемъ сердцѣ, или возвратитъ оное въ первоначальную его сокровищницу, и потерпѣть чрезъ то убытокъ, коего никогда не загладишь.

О моя вѣрная, моя любви достойная другиня! вскричалъ Цериръ въ невыражаемомъ движеніи, ты только, одна ты только, могущая вести утомленные стопы мои чрезъ сію гору безпокойствъ и затрудненій; но имѣй радость съ моею слабостію Хотя ты очаровательный образъ, который моя вообразительная сила начертала Перизадѣ, возобновляешь въ душѣ моей толь живо; но Цулика еще владѣетъ въ моемъ сердцѣ. Не усилийся, чтобы одолѣлъ я непобѣдимую страсть, и располагай всею, что ни есть въ моей власти.

Надѣешься ли ты, что полъ моего Королевства, что всѣ мои сокровища приняты будутъ во удовлетвореніе Принцессою Цаблестанскою. Предложи оныя ей, и я съ радостію отдамъ. Естли она пожелаетъ возвратиться къ своему родителю: учреди ей великолѣпнѣйшее провозженіе, ороси, естли можно, праведный гнѣвъ ея потоками умиленія, изсуши слезы ея рукою дружелюбія; но не забудь для всего онаго меня совсѣмъ. Не виновность провозждаетъ стопы ея, и простираетъ балсамъ утѣшенія окрестъ ея; во

мнѣжъ совѣсть умножаетъ скорби и замѣшательство. Наинешастнѣйшіе, имѣють истинное участіе въ великодушномъ твоёмъ состраданіи.

Первая обязанность, возлагаемая на меня драгоцѣнною сею довѣренностію, отвѣтствовала Ситара, состоитъ въ томъ, чтобъ помогла я тебѣ возвратиться къ добродѣтели. Какое ни имѣла бы послѣдство любовь твоя къ Цуликѣ, довольно, когда ты вступишь на путь должности, ведущій тебя къ Принцессѣ Цаблестанской, то помышленіе о начатіи праведнаго дѣла, распространить миръ въ чувствахъ многихъ. Я препровожду тебя по трудному пути удовольствія, ибо когда ты есть нападающій: то честь и пристойность требуютъ, чтобъ твои уста просили прощенія, и предлагали средства въ заглаженію оказанной несправедливости.

Можешь ли ты думать, сказалъ Цериръ, чтобъ въ силахъ былъ я предстать очамъ ея, воспаленнымъ праведнымъ гнѣвомъ? Могу ли я къ прежнему моему преступленію приложить новое поруганіе, видѣть прелести, которыхъ обладаніе уже оставить долженъ?

Нѣтъ, отвѣтствовала Ситара; состояніе ея разрѣшаетъ ее отъ закона, предстать безъ покрывала предъ Монархомъ страны, и скромность ея солнце красоты ея безъ принужденія явить очамъ твоимъ, когда она конечно прекратитъ свои бѣдствія, и воспалитъ твое сердца своими лучами.

Но что скажу я въ мое оправданіе? спросилъ Цериръ. Какое краснорѣчіе удобно снять на себя подобный трудъ.

Твое собственное, говорила Ситара. Сердца Перизадино не будетъ противу того непоколебимѣе моего; они оба оживляются равными чувствованіями.

Сказавъ слова сіи, коихъ неосторожность поздно примѣтила, прекрасное лице ея покрылось стыдливостію, коей розовый цвѣтъ еще возвысилъ во объятіяхъ Церировыхъ, который схватилъ ея съ братнимъ чувствованіемъ благодарности, и награждалъ тѣмъ великодушное ея сердце, обѣщая ей чрезъ два дни послѣдовать въ замокъ, или лучше сказать, въ заточеніе Перизадино, и скрыть путь сей отъ Мелека.

Ситара по опытамъ вѣдающая, что раны любовныя чрезъ растравляющія средства строгости воспаляются, а не исцѣляются, получила чрезъ сей увѣренной способъ то, чему онъ толь ревностно противился въ премудрости Сагетовой, коего имя она разумно упоминать остерегалась, поелику судьба его зависѣла отъ Перизадиной.

Когда неутѣшная Принцесса Цаблестанская увидѣла въ чертахъ другини своей щастливый успѣхъ, слабый лучъ надежды уяснилъ печальное сердце ея; но когда услышала, что все ожиданія Ситаринны утверждены на сильномъ дѣйствіи, кои прелести обхожденія и изящный видъ ея имѣли на Церира, то погрузилась она опять въ пропасть своего унынія

Между тѣмъ склонилась она на учиненіе опыта, но съ благороднымъ вознамѣреніемъ, когда не произойдетъ по желанію, освободить Церира отъ

обѣщанныя вѣрности, и просить его только о освобожденія Сагеба, и поспѣшествовать онаго щастію, чтобъ возвестъ Цулику на тотъ престоль, съ коего она ею толь несправедливымъ образомъ свержена.

Великолѣпный и пріятный лѣсокъ, украшающій садъ замка, и коего высоки дерева достигали облаковъ, имѣлъ слабое подобіе съ сѣнію правды, въ которой Цериръ въ первыя увидѣлъ Перизаду. Драгое воспоминаніе сего часто приводило печальную Принцессу въ сіе очарованное мѣсто. Она научила многочисленное стадо птичекъ, во ономъ обитающихъ, повторять ея жалобы; она научила все воздыхать съ собою: ибо благовонныя дерева пріемля отъ ея воздыханій новый пріятный паръ, въ знакъ благодарности приклоняли свои оживленныя вѣтви. Сіе мѣсто избрала Ситара къ новому позорищу любви, къ престолу возобновительнаго соединенія и радости. Она уговорила Перизаду, принять тамъ непостояннаго Монарха, и надѣтъ таковоежъ платіе, какое носила въ Лавирниѣ, и согласная Принцесса удалилась во оное въ день назначенный къ свиданію. Трепещущее тѣло ея было поддерживаемо дружественною рукою Ситары, и движенія сердца ея, которыхъ изображеніе перо смущаетъ, и превосходитъ все уподобленія, можно только понимаемо, кои чрезвычайное смятеніе такового состоянія извѣдали собственными опытами.

Цериръ пришелъ, хотя вооруженный своею бѣшеною страстію къ Цуликѣ, но не могъ перваго божества души своей, представшаго ему въ томъ самомъ видѣ, въ каковомъ онъ почиталъ его толь долго увидѣтъ, не почувствовавъ восхищенія, припомянувшаго ему всѣ приключенія, со времени разлуки случившіяся, но вскорѣ оныя загладившія въ его мысляхъ, возвели его къ ненавистнымъ настоящимъ происшествіямъ; что принудило его опустить до земли чело, пораженное замѣшательствомъ и стыдомъ. Одни воздыханія его простерлись вмѣсто словъ извиняющихъ и удовлѣтворяющихъ къ слуху Перизадину, которая отвѣтствовала ему тѣмъ же, но пронзительнѣйшимъ гласомъ. Чрезъ что предупредѣлила сердцѣ его любви; чрезъ то пришелъ онъ въ первый восторгъ, и бросясь предъ нею на колѣни, вскричалъ:

Можешь ли ты, дщерь небесная? можешь ли ты простить казни достойному, бѣдному и раскаявавшемуся Цериру? -- -- Сердце по истиннѣ заслуживаетъ быть бѣдно, которое прощать не можетъ, отвѣтствовала Перизада, когда и то не требуетъ прощенія, которое....

Больше не успѣла она выговорить; ибо въ оное мгновеніе послышанъ голосъ, жесточае ревущаго Сѣвернаго вѣтра, въ непогодливую зиму, возгласившій по воздуху слѣдующія страшныя слова:

Спасай, о Король! драгоцѣнную жизнь твою, толь постыдно предаемую отъ двухъ негодныхъ женщинъ. Чрезъ нѣсколько минутъ Принцъ Цалцеръ окружитъ замокъ, мщеніе ведетъ его. Опустошеніе означаютъ направленные стопы онаго къ измѣнницѣ сестрѣ своей, которая довольно

вѣдала, что впадешь ты въ ея сѣти, и назначила потому тебя жертвою, имѣющею терпѣть заколеніе на олтарѣ гнѣва и гордости.

Гнѣвъ и ярость заступили въ Церировомъ сердцѣ мѣсто возвратившейся любви и раскаянія. Онъ бросилъ смертоносный взоръ василиска на Перизаду, и кричалъ:

Льстивая женщина! такъ то утверждаешь ты мнимое великодушіе послѣдняго твоего вѣроломнаго восклицанія; но я сіи коварныя слова обращаю въ собственное на тебѣ проклятіе. Да, естли ты имѣешь еще чувствованіе отъ предложеннаго на тебя доноса, я злѣлаю, чтобъ во ужасъ души твоей повторялись слова: Сердце по истиннѣ заслуживаетъ быть бѣдно, которое прощать не можетъ.

О моя Цулика, которую я толь несчастно оскорбить хотѣлъ, ты одна, ты заслуживаешь почитаніе, красотѣ надлѣжащее, когда она возвышена чистосердечіемъ и невинностію.

Сказавъ сіе, послѣдовалъ онъ поспѣшно Мелеку, безпрестанно понуждающему его шествовать за нимъ. Онъ оставилъ Перизаду безчувственну на рукахъ Ситары, которыя сердце пронзено было жестокою стрѣлою клеветанія и толь злобныхъ укоризнъ.

Намъ должно изслѣдовать настойчиво причины нападенія, бывшія неистовому Монарху толь неожиданна, огорченнымъ подданнымъ его толь безпокойны, въ добродѣтельной Принцессѣ Цаблестанской толь несчастны, въ самомъ ихъ отдаленномъ источникѣ; и сіи приключенія, кои персть судебъ вмѣшала въ связь времени, и произвелъ изъ оныхъ толь пагубныя слѣдствія, развязать рукою истинны.

Подобно Океяну, когда вѣтры престанутъ безпокоить жидкое его зеркало, когда облака забудутъ жужжаніе свое, и непогода изтощитъ огненныя свои стрѣлы, преходящему тогда изъ страшнаго волновенія въ неколеблемую тишину, въ своихъ неизмѣримыхъ берегахъ кажущемуся дремлющими равень былъ Гистаспъ. Когда буря заботныя жизни успокоена стала кротчайшею тишиною, и пріятности престола перевѣсились въ безопасную забаву; опустился онъ въ нѣдра лѣности, и повода Царства своего дремотно пустилъ изъ ослабшихъ рукъ своихъ. Склонный къ чувственнымъ забавамъ, не бывъ порочень, роскошень, на не женолюбивъ, не дѣятелень, но непраздень, препровождалъ онъ теченіе года въ увеселеніяхъ и времяпровожденіяхъ, которыя наслѣднику цвѣтущаго имѣнія въ частномъ состояніи весьма бы приличествовали, но для сына Логоразвова и Царя Иранскаго были неудобны.

Вся Азія служила различнымъ его удовольствіямъ, и отдаленнѣйшія острова приносили свое, ко украшенію палатъ его работами великолѣпія. Галереи во оныхъ казались отъ огненныхъ чертъ одушевленныя живописи стоящими съ пламени. Китай присылалъ свои чистѣйшія сосуды, къ пышности столовъ его. Индія лишала своихъ слоновъ драгоцѣнныхъ зубовъ,

для выкладыванія дверей его, и сердца горь текли кровію, чтобъ снабдить его яхонтами. Собственныя берега морей обоготчили ея сіяющими дочерьми раковинъ, и города его украшали помы его художественными ткаными изъ работъ червей.

Не токмо дворець въ Гератѣ былъ приведенъ въ порядокъ къ принятію безсмертныхъ духовъ хранителей. По повеленію его воздвигъ главу новый городъ въ Парсистанѣ, и новый рай появился въ садахъ Истактарскихъ. Художество и природа споровались, украшая сіе любезное позорище, натура снабжала художества совершеннѣйшими дарами красотъ, И художества дѣлали природу чрезъ тонное подражаніе прелестямъ ея еще прекраснѣе.

Здѣсь были пространные ходы безпрестанною зеленью покрытыя, и бодрыя Антилопы [родъ звѣрей] прыгали по муравамъ. Рѣки были отведены изъ прежняго своего теченія, и вмѣсто чтобъ протекать пустынями, окропляли прелестнѣйшія цвѣты, кои текущему кристаллу сообщали пріятный запахъ.

Гистаспъ разумѣлъ царство растѣній и звѣрей, отъ величественныя пальмы и великорослаго верблюда парда, до нѣжнаго жасмина и забавной обезьяны, и содержалъ оныхъ съ нѣжнымъ попеченіемъ въ своихъ оградахъ. Онъ зналъ даже и сіяющія звѣзды по именно, и наблюдалъ ихъ съ своей мраморной башни, и часто провождалъ по нѣсколькучасовъ, разсматривая вступленіе извѣстнаго свѣтила въ солнцѣ. Мудрецы и художники изобрѣтательнаго востока содержались щедро въ его философскомъ уединеніи, и сообщали къ утѣшеніямъ пытливаго духа Монарха своего съ неизчерпаемыми перемѣнами свое собственное.

Любви достойная Кенаія не рѣдко брала участіе во оныхъ времяпровожденіяхъ, но въ собственныхъ упражненіяхъ своего пола была она примѣчательнѣе своего супруга. Она предпочитала старанія видѣть туберозы свои цвѣтущими, и кормить разноцвѣтныхъ попугаевъ своихъ Египетскимъ сахаромъ, работъ наблюдать звѣзды, или разсматривать зданіе огромныхъ храмовъ, до рожденія Царевича, получившаго имя Асфендіара. Сей привлекъ къ себѣ ея матернюю нѣжность, наполнилъ трудъ Гистаспа радостію, и распространилъ общій лучъ щастія на народъ его, который думалъ, что онъ уединенныя часы свои посвящаетъ ихъ благу, и возносилъ потому кадило молитвъ о его благоденствіи къ небесамъ.

Въ таковой прелестной перемѣнѣ удовольствія и разсужденій, протекали не примѣтно царю Иранскому мѣсяцы. Присутствіе его въ Гератѣ дѣлало зиму меньше непріятною, и сѣни Истактарскія прохлаждали жаръ лѣтній своими потоками, или благовонными своими застѣнями. Но хотя всѣ части царства его наполнены были очаровательныхъ красотъ, его отдаленныя провинціи отъ Ирана не имѣли для Гистаспа пріятностей, и никогда не удостоивъ онъ предѣловъ ихъ освѣтити величественными своими и

благотворными лучами, которыми очи Монарха обязаны всему пространству областей то,

Пришелъ ли духъ его отъ недѣтельности жизни его въ ослабленіе? Думалъ ли онъ, что Монархъ можетъ просидѣть скрытый за облакомъ мрачности, дабы народъ, невидящій внѣшняго его вида, могъ изображать его въ помышленіи съ большими совершенствами, нежели смертный имѣть можетъ? Словомъ: имѣлъ ли онъ къ поведенію своему каковыя нибудь обманчивыя причины или нѣтъ, но по крайней мѣрѣ Везирь его Гіамасбъ радовался въ тайнѣ, видя безпечность Государя, ввѣрившаго ему кормило великаго корабля въ правленіе, и предоставившаго потому оный возверженію на камень или отмель, и даже опасности полного сокрушенія.

Такъ какъ левъ Мацеидераискій, когда пастырь дремлетъ въ своемъ скрытомъ шалашѣ, свирѣпствуетъ во всю ночь посреди беззащитныхъ коровъ, моихъ плачевный вопль относится вѣтрами возстающими съ волнующагося Кастійскаго моря: подобно и Гіамасбъ. Онъ сорвалъ покрывало чистосердныя привязанности къ Государю своему съ своего сердца, и принялъ свойственный свой характеръ, начавъ жителями Ирана владѣть жезломъ угнѣтенія.

Честолюбіе его было толь же безпредѣльно, какъ Океанъ, воюющій около береговъ Мултанскихъ, и предметъ онаго былъ не меньше, какъ обладаніе множествомъ государствъ отъ сего окружаемыхъ. Онъ думалъ, когда онъ есть сынъ Каяхоіру, завоевавшаго большую часть земель сихъ, и присоединившаго оныя къ царству Иранскому, то и престолъ надлежитъ ему преимущественно предъ сыномъ Логоразвовымъ, и сіе воображенное оскорбленіе лѣжало гноящееся въ его нѣдрахъ.

Ночь послѣдовала ночи, и серебряный кругъ луны совершалъ свои перемѣны съ точною исправностію; но душа Намасбова была неперемѣняема, и малыя капли сна, которымъ его неспокойныя мечты дозволяли упадать на его вѣжди, безпрестанно стрясаемы были сновидѣніями измѣны и бунта, и привидѣніями вышняго начальства, играющими въ его вообразительной силѣ, подобно какъ роса съ гибкихъ вешней. Но цвѣтъ его надеждъ едва началъ цвѣсть въ саду лукавыхъ его предприятий. Видѣлъ онъ, что Гистаспъ сидѣлъ еще твердо на престолѣ въ сердцахъ ревностныхъ своихъ подданныхъ, и зналъ, что до коль сіе освященное сѣдалище было безвредно, Монархъ укрѣпленъ на горѣ изъ камня алмазнаго. Какъ искусень былъ онъ изслѣдывать всѣ страсти человѣческія, то не могло ему быть несвѣдомо, что грудь благооснованныя вѣрности твердѣйшая есть мрамора, и красныя капли, согрѣвающія сердца склонныя, драгоцѣннѣе Государямъ сокровищъ яхонтовыхъ.

И такъ первый трудъ сего человѣка, столь же неблагодарнаго, сколь и хитраго, столь же лютаго, какъ и предприимчиваго, былъ въ томъ, чтобъ благодѣтеля и Государя своего низвергнуть съ престола любви народныя.

Но какъ можно привлечь къ себѣ склонность общественную, и Государя своего учинить ненавидимымъ, какъ одними тѣми хитростями, кои обращалъ онъ къ опростанію престола государственнаго, приложить ко оному себѣ свободный путь? Сіе требовало искусства, коего ничто превосходить не могло кромѣ неблагодарности его и злобы

На сей конецъ оказывалъ онъ себя къ лвамъ ратнымъ, коихъ храбрость защищала столичный городъ, учтиво и низходительно, и орошалъ Ироевъ Хорозанскихъ цѣлыми потоками своей щедрости. Онъ принималъ противу земледѣльцевъ и художниковъ, коихъ грабилъ, для наполненія обширныхъ сундуковъ своихъ, видъ сожалѣнія, и когда что по часту было, издавалъ новый законъ, силою котораго отнималъ больше, нежели половину плодовъ безпорочныхъ трудовъ ихъ, то притворялся проливающимъ слезы состраданія.

Какъ первый ропоть неудовольствія, подобно слабому жужжанію лѣтней мухи, дошелъ во уши Гистасповы: то осторожная мысль его наполнена была нечаяннымъ страхомъ, чтобъ болѣзненный отголосокъ сей не простерся въ полаты Гистасповы, и сей уединенный Государь мгновенно не оставилъ бы скрытныхъ угловъ, въ которыхъ водворился. И дабы Везирю подкрѣпить его въ настоящемъ уединеніи, вознамѣрился онъ оное ему отсовѣтывать, понеже зналъ непокоривое упрямство его нрава; ибо упорливый нравъ подобится пню высокой пальмы, коя, естли дать ей иное расположеніе, тѣмъ усильнѣе возвращается въ первое свое стояніе.

Въ слѣдствіе сихъ коварныхъ заключеній, наблюдалъ онъ благосклонный часъ, въ который Царь, подписывая свое всемогущее имя на государственныхъ бумагахъ, усталъ, и нетерпѣливо желалъ возвратиться въ свои уединенныя сѣни, Гиамасбъ примѣтя сіе, говорилъ ему гласомъ видоподобнаго усердія:

Хотя благоденствіе, подобно милостивой птицѣ райской, распростираетъ сѣнь крыль своихъ надъ главою Гистаспа; хотя око злобы ослѣпляется лучами славы твоей; долго ли солнцу величества быть скрываему облаками уединенія, и сладкому току добродѣтелей застывать отъ недѣятельности? Не ужё ли ровнины Хорозанскія не имѣютъ прелестей для своего владѣтеля? Взирай! они жаждутъ быть попираемы твоими блистательными сандаліями, и жалуются, что ты расточаешь благосклонность свою къ лугамъ Истакшарскимъ.

Дозволь словамъ истинны вкорениться въ слухъ примѣчательномъ, оставь твое уединенное жилище, распространись, какъ простираетъ весна радость и благополучіе окрестъ себя. Алмазь есть царь драгихъ камней, но онъ не оказываетъ блистанія своего въ землѣ. Уясненныя острія стрѣль прямы и хороши, но не піютъ крови непріятельской, до коль излетятъ пущенныя изъ лука.

Что пріятнѣе искуса Котенскаго? Но естли останется оный всегда въ кошелькахъ продавцовъ, кого усладить запахъ его? Ахъ! какія имѣтъ Гіамасбъ отмѣнныя свойства, чтобъ Государь его возвысилъ къ кормилу цѣлаго государства? Хребетъ его приклоненъ подъ тажкимъ бременемъ правленія; и сонъ, который прежде услаждалъ труды его, исчезъ какъ легкой паръ отъ очей его. Для него бы лучше, искать уединенной сѣни, и жезлъ правленія вручить рукѣ, могущей употреблять оный съ довольною крѣпостію.

Между тѣмъ, какъ Везиръ поддѣльный жемчугъ притворныхъ совѣтовъ низалъ на нитку лжи, перемѣнялись щеки Гистасповы цвѣтами разныхъ страстей и сердцу его мало уже было окружающей оное отонки. На послѣдокъ сказалъ онъ съ негодующимъ взоромъ, который Гіамасбу не былъ ни не ожидаемъ, ни противенъ:

Тягостны ли тебѣ, неблагодарный человекъ! труды, соединенныя съ твоимъ званіемъ, и желаешь ты облегчить бремя оныхъ, возложь оныя на меня? Увеселенія палатъ, каковы мои, не приличествуютъ для подданнаго, и труды и работы непристойныя спутники для Государей. Знай, что Гистаспъ не заключаетъ намѣренія невлагаемаго премудростію, и не толь онъ слабъ, чтобъ откинуть то, что единожды избралъ.

Не нарушай покоя моего никакими представленіями, и будь обнадеженъ, естли гласъ неблагодарности еще разъ выразить мысли о лѣности, есть ли цвѣтущія сѣни Истакшарскія еще разъ оскорбятъ дыханіемъ поношенія; огненный перунъ неудовольствія падеть на главу твою.

Сверхъ того не безпокой меня толь часто сими письмами и узаконеніями. Подписаніе мое либо не нужно, или можетъ происходить отъ силы знаменитости, коею тебя облѣкаю. Иди, заслуживай продолженіе моего дружества полнымъ подверженіемъ себя моей волѣ.

Гіамасбъ удалился съ подобострастнымъ молчаніемъ и естлибъ судить по его понуренному виду: то жалѣлъ онъ о своемъ проступкѣ; но сердце его радовалось о добрыхъ слѣдствіяхъ, и вымышляло новыя роды угнетенія подданнымъ отъ имени ихъ Государя.

Каждый кустокъ травы, блестящей утреннею росю, каждый цвѣтокъ, который пламенный сосудъ свой разверзаетъ въ саду прилѣжанія, серебряное пшено и золотый шафранъ, самыя водоточныя трубы, понуждаемыя искусствомъ къ орошенію сихъ насажденій и понужденію оныхъ въ растѣніи; однимъ словомъ, не токмо избыточное, но и необходимо нужное въ жизни, долженствовало давать двѣ трети цѣны своей въ подати, и остальное едва достаточно было, привести неусыпно труждающихся легкое защищеніе отъ зимнихъ вѣтровъ и хладныхъ ночныхъ Паровъ.

Гіамасбъ изобрѣлъ новыя уставы о наказаніяхъ, и велѣлъ ихъ собрать въ особливую книгу Здѣсь распостерты оныя были подобно тенетамъ или самоловамъ звѣроловительскимъ, и подняты яко западни на истребленіе

подданныхъ; и кто преступалъ противу сихъ тайнохранимыхъ повелѣній, былъ осуждаемъ, невѣдая вины своей. Гіамасбъ подписывалъ несчастныя опредѣленія именемъ своего Государя, и стяжаніе невинныхъ преступниковъ обиралось къ обогащенію сокровищницъ Везирскихъ.

Сего еще было недовольно. Семьянинъ, долговременными странствованіями по морямъ и трудами рукъ своихъ доставившій себѣ изрядное жилище, и украсившій оное богатыми коврами Гилянскими, или фарфоромъ Пекинскимъ, былъ замѣчаемъ лазутчиками Гіамасбовыми, такъ какъ открываетъ проворная собака прыгающую козу или боязливаго зайца по одному запаху.

Есть ли таковыя люди мрачныхъ запрещеній обманчивой книги еще не преступили: то къ кровавымъ симъ законамъ вписывались новыя учрежденія, которыя таковыя равнодушныя поступки, напредъ жестоко запрещали.

Иногда составилось уголовное преступленіе изъ того, естли возложить остріе топора на негодное дерево; пустить стрѣлу въ грудь хищной птицы; пересаживать поутру въ садахъ кипарисы, и по захожденіи солнца собирать финики.

Отъ таковыхъ немилосердыхъ орудій власти никакая невинность не была безопасна. Освященныя комнаты каждаго дому, были обыскиваемы, подъ предлогомъ сокрытыхъ во оныхъ заповѣдныхъ сосудовъ, палаты богатыхъ и хижины бѣдныхъ, терпѣли равномѣрное нападеніе отъ нечувствительныхъ служителей своеобычной воли.

Симъ угнѣтеннымъ народамъ ниже того дозволялось, чтобъ уклониться сихъ строгостей, оставя свои работы и изгоняя себя своевольно изъ отечества. Ихъ возвращали силою на пашни ихъ и работы, въ которыхъ трудились они для недостаточнаго содержанія своего, и всѣ владѣльцы обработанныхъ полей въ ономъ пространномъ царствѣ были только невольники Везиря и войска.

Но Гіамасбъ былъ прозорливѣе, чтобъ допустилъ стрѣлы всеобщія ненавсти упасть на свою голову. Когда изъ отдаленныхъ странъ приходили отряженные, просить помощи у престола милосердія: Везиръ письма перехватывалъ, говорилъ съ посланными обходительно, и угощалъ ихъ съ изобиліемъ. Онъ сострадалъ о угнѣтеніяхъ, подъ коими они воздыхали, и подавалъ надежду въ скоромъ облегченіи; но притомъ вразумлялъ имъ, что сіи налоги происходятъ изъ источника, который запереть онъ еще не имѣетъ силы.

Жизнь моя, прибавлялъ онъ къ тому, безъ сумнѣнія пожрется гнѣву тиранства. Жертва, которая въ надлежащее время охотно принесется; но я заклинаю васъ, будьте терпѣливы. Какая вамъ прибыль, естли лишитесь вы своего защитника, и въ наслѣдникѣ моемъ, можетъ не сыщете вы знаковаго себѣ истиннаго друга.

Съ словами оными отпускалъ онъ ихъ, объятыхъ его великодушїемъ, окованныхъ его краснорѣчіемъ; но съ трудомъ скрывали они ропотъ негодованїе противу учителя, который толь любви достойнаго Принца, каковъ Гіамазбъ, употреблялъ орудїемъ своей насильственной воли.

Такъ то запутывается бѣдность народа, коего Монархъ уклоняся внушенїю собственныхъ склонностей, правило государственное вручаетъ рукъ нуждой. Хотя его сердце и окружается толпою смѣшныхъ добродѣтелей; но лучшія его свойства чрезъ пронырства коварныхъ Министровъ ядовитѣе становятся для его подданныхъ, чѣмъ противоположенныя пороки; и когда чистый источникъ отравленъ, то вредоносное онаго изліяніе проливается на всѣ стороны.

Тиранство Цохака, отъ коего пороковъ вся природа въ ужасѣ каменѣла, не было толь угнѣтательно, и не произвело столько бѣдствъ, какъ спящее добросердечїе Гистаспово; и двѣ змѣи, которыхъ сей безбожный неправедный завоеватель кормилъ кровїю своихъ подданныхъ, были не такъ обжорливы, какъ чудовище, которое сынъ Логоразвовъ питалъ воздыханїями мучимаго своего народа.

Но не довольно ему еще было, подавлять гражданскїя вольности Иранцовъ. Въ колчанѣ злобы осталась еще стрѣла гораздо тончайшимъ напоенная ядомъ.

Вѣра Персовъ была столькожъ чиста въ первыя времена, какъ потоки по путямъ проливающїеся. Они имѣли мало обрядовъ, церковный порядокъ ихъ былъ простъ. Они взирали на лазурное небо, и блистающїя свѣтила оное украшающїя; они разсматривали землю и море, лѣса и проливы, вѣдая, что всѣ чудеса сіи сотворены отъ единаго существа безконечныя силы, такъ какъ увѣрены были при взглядѣ на палаты Каяхозру, что воздвигнуты оныя рукою зодчихъ. Сїя невидимая и вѣчная власть была единый предметъ ихъ обожанїя. Предъ нею преклоняли они колѣна богоговѣнїя, и въ храмѣ ея проливали благовонное возношенье благодарныя хвалы.

Когда же безбожный Зороастръ распространилъ новое свое ученїе въ странѣ Парсѣ, чистота древняго богослуженїя вскорѣ повредилась и быстротечно заразила слѣдственныя земли. Подлость, склонная къ новизнамъ, приняла ученїе его съ прилѣжанїемъ, и Цендавеста прочитывалась нововѣрнымъ, яко книга божественная.

Беззаконный обманщикъ, неимѣющій иныхъ намѣренїй, какъ увеличенїя свое, и чтобъ съ Деспотическою властїю владѣть надъ тысячею сердець, въ теченїи чего удержанъ презрѣнїемъ, коимъ встрѣтилъ Логоразвъ его ученїе, и запрещенїемъ, приближаться къ царскому своему Престолу, обнародованнымъ для его сообщниковъ. По сему удалился онъ въ замокъ свой Іецдъ, гдѣ обманутыхъ жителей уговорилъ, создать огромный храмъ обожаемому огню.

Хотя сія бѣшенствующая легковѣрность снова распроспранилась, когда Логоразвъ оставилъ престолѣ; но не была еще общая въ Иранѣ. Многіе Принцы свѣтлѣйшаго отродія, многіе Ирой испытанныя храбрости, многіе по премудрости своей почтенные мужи, и особливо бывшіе учениками преизящнаго Локмана, отвергали дерзкій обманъ, и совѣтовали согражданамъ своимъ уклоняться вреднаго еретичества.

Гіамасбъ давно уже съ Зороастромъ имѣлъ переписку, и призналъ себя ревностнымъ его сообщникомъ не для того что бы думалъ, что Цендавеста наполнена словами истинны, но за тѣмъ что сердце его не исповѣдывало вѣры, кромѣ честолюбія, и никакого не обожало божества какъ золото; почему при лести наружнаго служенія ничего онъ терять не могъ, и надѣялся, что можетъ быть помощію сего обманщика доставить власти своей знатное приращеніе. Такъ тѣсно соединяется злоба противу человѣковъ, и безбожіе противу небесъ; ибо неимѣющіе благоволенія къ своимъ собратіямъ, не могутъ имѣть чувствованія благодарности или должности къ творцу своему,

Самъ Гистаспъ приклонилъ ухо примѣчанія къ ученію ложному; хотя совсѣмъ по инымъ намѣреніямъ, все конечно невиннымъ, но не отъ разума происходящимъ. Везиръ его подалъ ему Цендавесту, украшенную золотомъ Голкондскимъ, и надушенную мускусомъ Котенскимъ. Монархъ объять былъ возвышенною темнотою сочиненія, и хотя большая часть онаго была невразумительна; но считалъ оное, и можетъ не по другимъ причинамъ, за божественное.

Въ его юнѣйшее странствованіе по долинамъ страстей, позналъ онъ, что свѣтъ исполненъ бѣдности, несогласія и замѣшательства; но ни опыты, ни разсужденія не научили его, откуда происходитъ сей источникъ противностей. Почему онъ охотно принялъ ученіе о зломъ начальномъ существѣ, которое по превратности склонно помѣшать сѣмена порока въ сердца человѣческія, и коего сила приводила оныя въ состояніе возвращать жалостное сіе насажденіе, доколѣ принесетъ оно плоды погибели.

Онъ примѣтилъ, что все освѣщающее солнце сильнымъ своимъ вліяніемъ воззываетъ травы изъ зимняго усыпленія, и одѣваетъ ихъ свѣжимъ покровомъ изобильныя зелени; что жаръ его всему свѣту жизнь сообщаетъ, и всему сложенію природы доставляетъ силу. Сіе удобно привлекло его, поклоняться оному небесному свѣтилу, и содержать неугасимый огонь на олтаряхъ суевѣрія.

Только совѣсти своего народа оставилъ онъ вольность, и хотя тѣла ихъ находились въ рабствѣ, но духи ихъ были свободны, какъ воздухъ, коимъ они дышали; но Гіамасбово лукавство лишило ихъ и сего утѣшенія. Онъ уговорилъ своего оглушеннаго Государя, возвѣститъ свои непреоборимыя повелѣнія, чтобъ въ каждой улицѣ Герата воздвигнуть храмъ огню изъ мраморныхъ столбовъ, и чтобъ всѣ жители столичнаго города внимали

гласъ Цендавеста, чтобъ въ первый часъ, когда возвращающееся солнце каждое утро украшаетъ облики небеснымъ золотомъ, отъ коварныхъ Дестуровъ происходило гѣніе.

Тѣ, кои бывъ приводимы любовію къ истиннѣ, противились сему омерзѣнію достойному повелѣнію, повергались въ мрачныя темницы, поколь могли собрать достаточное сокровище къ занятіи требуемаго корыстолюбіемъ выкупа.

Учрежденія къ совершенной перемѣнѣ богослуженія, вскорѣ Гіамасбомъ распространены по всемъ землямъ царства Иранскаго, и разсланы къ каждому начальнику страны провозвѣстники съ симъ обнародованіемъ, зачавъ отъ земель лѣжащихъ по берегамъ удаленнаго Каспійскаго моря до горъ, коихъ подошвы омываетъ многоустный Индъ рѣка.

Во время какъ ропотъ жалобъ съ холма къ холму разглашался по царству Иранскому, и растѣніе ненависти вкоренялось въ нѣдрахъ гонимыхъ его неприятелей, война съ Королемъ Дилемскимъ занимала Церирово примѣчаніе. Ужо кисть описанія на таблицѣ судебъ начертала причины войны сея и неистовство Монарха Карецмскаго. Онъ былъ въ крайности, въ которой желалъ отъ брата своего скорой помощи, и получилъ тогда несоглашеніе наполнившее сердце любящее огорченіемъ.

Днесъ проникаетъ лучъ истинны въ тѣнь мрачную. Гистаспъ упокоенный въ глубокой слабости роскошей, столь же мало слышалъ жалобы своего народа, какъ радовалъ очи свои взираніемъ на дружественное письмо брата, которымъ возлюбленный его Цериръ требовалъ его помощи. Осторожный Гіамасбъ перехватилъ письмо, яко пріятный случай, лишить Гистаспа любви братнія, и написалъ суровый отвѣтъ перомъ злобныхъ невѣрности.

Напослѣдокъ возвратились скорые гонцы, пробѣжавшіе царство Иранское на коняхъ прилѣжанія, и развезшіе приказы къ начальникамъ отдаленнѣйшихъ странъ, въ полаты Везирскія, и ужасъ изображался въ лицахъ ихъ.

Страны готовы были къ возмущенію. Нѣкоторые Сатрапы хотя страшный приказъ лобзали устами покорности, и обоженіе горячей стихіи учредили въ областяхъ своихъ; но сердца ихъ, болящія уже прежними утѣшеніями, не признавали страхомъ принужденнаго повиновенія. Другіе при полученіи царскаго указа съ негодованіемъ явнымъ, вмѣсто повиновенія оному, представили къ престолу Монаршему трогательнѣйшія возраженія.

А особливо храбрый Рустемъ, владѣющій плодоносными долинами Цаблестанскими, преимущественно предъ прочими противился, подражать въ обширномъ своемъ владѣніи новымъ установленіямъ. Великодушная грудь его считала за малое, прибѣгать къ каковой либо власти кромѣ небесной, и для того не вошелъ онъ въ представленія, и сидѣлъ съ извѣстнымъ свѣту достоинствомъ своимъ на престолѣ, подкрѣпляемомъ твердыми подпорами добродѣтели.

Тогда Гіамасбъ увидѣлъ приходящую въ созрѣніе вкореняемую имъ злобу, и зналъ, что ему не должно терять ни мгновенія въ праздности. Слѣдственно вознамѣрился онъ возразительныя письма Сатраповъ показать уединенному Монарху; но при томъ рачительно старался перебрасывать листы, на которыхъ изображены были страшнымъ начертаніемъ гоненія и лютоги отъ него производящія. Онъ довольно вѣдалъ, что Гистаспово сердце сильно тронется сожалѣніемъ, при болѣзненномъ описаніи насильствъ его и утѣсненій, и воспрянетъ изъ своей нечувствительности, притомъ и увѣренъ былъ, что обманутый Монархъ, предѣлы своей царской власти расширить, соразмѣрно противоположеннымъ ему затрудненіямъ, доколь еще можно уговорить онаго, что не имѣютъ сіи на правы человѣческія варварскаго требованія. Какъ Гіамасбъ желалъ употребить въ пользу свою несчастное упрямство Государя, что бы тѣмъ найти защиту противу всякаго непредвиденнаго случая: то считалъ онъ принятіе вида ложнаго усердія необходимо нужнымъ; и сіе вѣроломное вознамѣреніе имѣло на него столькожъ сильное дѣйствіе, какъ и всѣ прочія коварства его.

Гордая непокорливість Рустема ужаснула наиболѣе смятенныя мысли его. Не безызвѣстна ему была непоколебимая храбрость сего Ироя, котораго славу молва распространила на блистательныхъ крылахъ своихъ, по всѣмъ предѣламъ обитаемаго земнаго тара; такъ же непобѣдимая твердость крѣпостей его, и отважность вѣрныхъ войскъ его не могли быть невѣдомы Министру, коего развѣдыватели разсыпаны были по всѣмъ частямъ государства. И такъ не оставалось ему средства кромѣ, стараться снискать дружество сего великодушнаго война, открыть ему тайныя совѣщанія сердца своею, колико дозволить видѣ приличности о добрыхъ его намѣреніямъ, и въ семъ дерзкомъ предпріятіи искать его вспоможенія.

Понеже никакому посланнику не можно было довѣрить таковаго важнаго дѣла, вознамѣрился Гіамасбъ своей особою посѣтить равнины Цаблестанскія, и разсыпать сѣмена измѣнническихъ происковъ во уши Рустемовы. Въ ономъ намѣреніи приблизился онъ во внутреннія покои, и повергся предъ назначенною жертвою своего предательства.

Когда поднять онъ былъ рукою благоволенія, началъ онъ ухищренную рѣчь свою слѣдующими словами:

Лица противящихся повелѣніямъ главы своея, должны покрыться прахомъ замѣшательства. Дни ихъ должны протекать безъ утѣшенія, и ночи безъ успокоающаго сна. Долженъ ли Царь издавать повелѣнія, и народъ его не преклонять хребетъ повиновенія? Долженствуешь ли знаменамъ упорства постановляться кромѣ на удолияхъ дерзости? И однако, зри, о повелитель народовъ, зри бумаги, кои имѣетъ днесъ рабъ твой въ рукѣ своей. Выслушай! но не допусти пламени гнѣва твоего въ страшное воспаленіе, чтобъ всеобщій пожаръ не опустошилъ свѣта.

Сатрапы твои упоены безуміемъ, и дерзають гласъ отягощенія отнести къ престолу твоему. Они презирають мольбы достойную стихію, и противятся слушать божественный звонъ Цендавесты. Они поносятъ даже и другія твоя поступки, и возвергають покрывало пренебреженія на прелести добродѣтели. Пріими ихъ писанія, свѣтлѣйшій Монархъ, и увѣрь нѣдра свои о моей истиннѣ. Но да не ускорить рука строгости обложить ихъ казнію, заслуживаемою чрезъ ихъ дерзость.

Князь Цаблестанскій есть предметомъ всегдашняго ихъ подражанія. Какъ возвышается финиковое дерево между кустами пустынными, такъ является Рустемъ посреди начальниковъ Иранскихъ. Если прошеніе мое обрѣтетъ милость у моего Государя: то самъ я послѣдую въ жилище Ироя, повторить твой властный законъ, и нагнать страхъ въ сердце, неприобыкшее трепетати. Прочіе послѣдуютъ примѣру его, и взволнованный Океанъ заботъ, остановится во всеобщей тишинѣ.

Гистаспъ видя отягощенія отъ своихъ подданныхъ воспаленъ былъ гнѣвомъ въ груди своей, и ярость раскалилась на щекахъ его. Прежде не тщился онъ ревностно о утвержденіи новаго закона; но днесъ узнавъ, что повелѣніямъ его противятся, и водѣ его ослушны являются, заключилъ вдругъ повелѣнія свои съ крайнею жестокостію произвести въ дѣйство; однакожь позволилъ Гіамасбу снять трудъ, лично увѣщать ратника Цаблестанскаго, и опредѣлилъ въ отсутствіе сего Везиря правленіе государства препоручить самому Зороастру, и на сей конецъ просить его оставить уединеніе свое въ Іецдѣ, и поспѣшить подкрѣпить совѣтами мудрости своей посвященнаго правому его ученію.

Вѣроломный обманщикъ, коему тайныя ковы Везиря давно были свѣдомы, приблизился въ столичному народу въ великолѣпномъ провожденіи, ѣдущій сквозь ряды обезумленныхъ своихъ со ревнителей, кои раздирали воздухъ восклицаніями, и ловили землю, гдѣ касались ея слѣды мнимаго пророка.

Онъ принять отъ Царя съ отмѣнною почестію, и Гіамасбъ потомъ, какъ онъ чаемаго своего учителя, который уже въ таинствахъ несправедливаго правленія государствомъ здѣлался его дѣйствительнымъ ученикомъ, во всемъ наставилъ, отправился на Арабскихъ бѣгунахъ въ драгоцѣнныхъ носилкахъ, и направилъ путь свой къ горамъ Цаблестанскимъ.

Между тѣмъ Рустемъ въ своей старости увеселялся воспоминаніемъ прежнихъ дѣлъ своихъ, и вкушалъ благоденствіе, которое небо обѣщаетъ и даетъ всѣмъ, кои поспѣшествовали отечественному благу благодѣтельными подвигами въ своей юности.

Сей почтенный воинъ поощрялъ храбрыхъ сыновъ своихъ, подражать трудамъ отца своего, и рассказываніемъ своихъ отважныхъ дѣяній воспалялъ юную грудь ихъ великодушнымъ жаромъ. Иногда бралъ онъ участіе въ ихъ воинскихъ навычкахъ, и былъ товарищемъ въ пріятныхъ ему

играхъ сихъ. Рука его не потеряла прежней крѣпости, и онъ еще возмогалъ тяжкій кусокъ мрамора, который его Принцы едва отторгали, безъ труда бросать предъ собою. Метальное копіе его ударяло въ мѣту съ таковою силою, что кромѣ его собственныя руки, никакая не могла выдернуть оное.

Такъ научались молодые Ирои Цаблестанскіе послѣдовать Добродѣтелямъ Рустемовымъ. Такъ подражаютъ львы, коихъ жадныя когти необагрены еще кровію странниковъ, темножелтому царю лѣсовъ и взираютъ со удивленіемъ на тѣла несчастныхъ путешественниковъ, кои влачатъ отецъ ихъ въ мрачную свою пещеру.

Прекрасная Перизада, которая добродѣтельный нравъ не проникалъ еще мрачнаго дѣйствія будущаго, увеселяла свое воображеніе начертаніемъ возлюбленнаго Церира; ибо тогда еще прибытіе Сагегово не наполнило грудь ея восхищеніемъ.

Братьямъ ея Парвицу и Цалцеру, не могла укрыться грусть, покрывшая чело ея со времени возвращенія изъ Лавиринѳа. Они старались переменными забавами облегчить уныніе ея. Они призывали искуснѣйшихъ лютнистовъ, для наигрыванія пріятныхъ тоновъ предъ ея гулбищами, и общество танцовщиковъ учредило по онымъ веселое плясаніе. Они дарили ей множество птицъ разноцвѣтныхъ перьевъ и сладкаго напѣва, и оба они старались на перерывъ, достать и возвратитъ ей пропавшаго малаго ея любимца.

Хотя Парвиць любилъ сестру свою нѣжнѣйшею склонностію; но Цалцеръ былъ желательнѣе познать причину ея безпокойства, и стараться отворотитъ оную. По ея прозьбамъ противился онъ желаніямъ различныхъ Принцовъ, прилѣжавшихъ къ полученію во владѣніе толь любви достойнаго предмета, и у говори въ родителя своего, учинитъ онымъ отказъ. Сіе приписывали любочестію, отъ котораго въ самомъ дѣлѣ молодой Принць не вовсе былъ свободенъ; но котораго одного не превышалъ покой возлюбленныя сестры его. Онъ лѣтами былъ къ ней ближе, и въ личныхъ прелестяхъ и въ взаимномъ дружествѣ уподоблялись они двумъ кипарисамъ, насажденнымъ при истокѣ водъ, и орошаемымъ влажнымъ оныхъ кристалломъ.

Во время, какъ во дворцѣ Рустемовомъ упражнялся всякъ различнымъ образомъ, Гіамаспъ проѣзжалъ дуга и долы, не помышляя кромѣ о обманѣ и предательствѣ. Онъ чаялъ себя уже быть оболченна въ царскую порфиру, и въ воображеніи своемъ носилъ уже корону Иранскую.

Крилѣ молвы принесли приближеніе его къ главному городу Цаблестана, и Рустемъ пріуготовлялся Везиря великомочнаго Монарха, и посла Государя, которому долженъ былъ вѣрностію, принять съ почтительнымъ торжествомъ.

На складномъ бѣгунѣ Хегіацкомъ, на коемъ уборъ былъ свѣтлоголубый съ уборомъ изъ чистаго золота, подобно такъ сіяютъ звѣзды на голубомъ сводѣ безоблачнаго неба, въ препровожденіи цѣлаго войска копіеноецовъ и

стрѣльцовъ, приближался Гіамасбъ ко дворцу. Онъ введенъ торжественно въ пространнй залъ, украшенный не рукодѣлемъ женъ, но трофеями старыхъ побѣдъ, и добычею съ покоренныхъ Ироевъ наполненный.

Тамо нашель онъ несравненнаго ратника, преподающаго сынамъ своимъ ученіе о добродѣтели; но усмотря Везиря, оставилъ онъ сію высокую работу, и всталъ съ возвышеннаго сѣдалища своего. Онъ проводилъ почтеннаго своего гостя въ блистающій чертогъ, и тамъ говорилъ съ нимъ дружественно о Гіамасбовомъ пути, о Гистасповой славѣ, и о красотахъ царства его. Потомъ столъ гостепріимства накрытъ пиршествомъ изобилія, и пріятный нектаръ, тогда-еще не воспрещенный Азіи, разливался въ глубокихъ вмѣстилищахъ, между краевъ художествомъ украшеннаго, и зеленью изумрудовъ и цвѣтами яхонтовъ осыпаннаго золота.

Принцы Парвиць и Цалцеръ, со всѣми Вельможами и дворянствомъ цаблестанскимъ участвовали при семъ великолѣпномъ пиршествѣ, и неслышно было восклицаній, кромѣ радостныхъ и торжественныхъ, поколь угасающія свѣчи возвѣстили всѣмъ, что уже половина ночи протекла въ восхитительныхъ разговорахъ.

Тогда случилось, что обманывавшій Гіамасбъ, употребилъ вспомануть память отъ своего Кляхозру, обратилъ бодрствующіе взоры свои на трофея, украшающія огромный залъ, и повернувшись къ Густему, началъ сладкимъ голосомъ:

Колико женъ и дѣвиць проливали слезы о чадахъ своихъ и любовникахъ, въ вѣчной памяти достойной кровавой войнѣ, когда сіи орудія у владѣтелей своихъ отняты львиной подобною храбростію. Колико ручьевъ текло въ багряномъ цвѣтѣ съ холмовъ Хоразанскихъ, какъ подлый и незаконный владѣтель Афрасіабъ {*Сей былъ дѣдъ Афросіаба, упомянутаго въ повѣствованіи прежнемъ.*} отъ копія твоего полнъ замѣшательства ужаса, принужденъ былъ искать отеческаго своего удѣла. Я опасаюсь, не подобострастная ли кисть молвы расцвѣтила сіяющими красками образъ Каяхозру въ молодыхъ его лѣтахъ. Безспорно, былъ онъ благородень, мудръ и храбръ; но столько добродѣтелей, кои по сказкамъ украшали царское его достоинство, въ возрастѣ, когда чловѣкѣ предоставленъ безпредѣльному владычеству страстей, едва ли можно причестъ возможностью для чловѣка.

Не должно, отвѣчалъ Рустемъ, по пламеннымъ чертамъ образа, сумнѣваться о красотѣ подлинника. Кайхозру былъ изъ юности своей совершенный примѣръ Совершеннаго Монарха, каковый только видало свѣтлое небесное око въ ежегодномъ своемъ обтеченіи.

Внимайте, о мои други! и особливо ты, мой почтенный гость, словесамъ неподкрашенныя истинны, и разумѣйте, каковыми горькими ступнями сей Царь Царей возшелъ во храмъ славы. Никакой Монархъ не надѣйся подражать величеству то, естли онъ подобно Каюхозроу не пріобучитъ правъ свой къ кавычкѣ въ каждомъ степени добродѣтели и въ произведеніи

всякихъ трудовъ. Всякой негодной Государь можетъ блистать на своемъ престолѣ; но скиптръ истиннаго величества долженствуетъ быть управляемъ рукою прилѣжанія.

Есть ли гдѣ глубочайшая пещера, или удаленнѣйшій островъ, камо бы труба повѣствованія не возгласила имени Каяхозроева; и не рассказывалось бы о рожденіи его въ полатахъ врага, жалости достойная судьба родителя его, печальное бѣгство и долговременное странствованіе добродѣтельной Принцессы родившей его.

Между горъ и пустынь воспитанъ онъ. Первое оружіе его обращено на хищныхъ трловъ и лютыхъ тигровъ, и первая одежда его состояла въ разноцвѣтной кожѣ убитаго имъ Риноцера [носорогъ звѣрь]. Въ семь дикомъ облеченіи увидѣлъ его военачальникъ Иранскій, и черты лица его познаны пронизательнымъ взоромъ вѣрности.

Едва позналъ онъ, что дѣдъ его Каккаусъ нетерпѣливо желаетъ его видѣть, возшелъ на коня быстрѣйшаго молніи, и въ препровожденіи смѣлаго Иранца достигъ береговъ порывающаго Геона. Рѣка не удержала пути его, и преслѣдующіе на немъ всадники Туранскіе, усмотрѣли только волны разсѣкаемыя пламеннымъ конемъ его. Онъ переправился чрезъ рѣку, какъ Египетскій Крокодилъ, между тѣмъ какъ Принцесса на свѣтъ его произведшая, переправлена въ безопасномъ мѣстѣ; и такъ прибыли они оба при щастливыхъ предзнаменованіяхъ во Дворецъ Монарха Иранскаго.

Тогда появилось восходящее солнце верховной власти на горизонтѣ чести. Кайхозру явилъ въ своемъ юношествѣ цвѣты великаго духа, развернушіеся въ его дѣтствѣ. Онъ превзошелъ ратниковъ своего воинства въ проворствѣ и мужествѣ, и мудрые, охраняющіе разумныя законоположенія земель его, не могли споровать съ нимъ о цѣнѣ правосудія и истинны.

Вопросите вы, какимъ кличемъ отперъ онъ золотой ковчегъ преизяществаа, отвѣтъ на то легокъ и явствененъ. Чрезъ труды тѣла и навыки духа, доставилъ онъ первому крѣпость и пріятность, а второму основаніе и исправность. Онъ вѣдалъ, что работа есть жребій всякаго смертнаго, и что Монархъ, стремящійся къ истинной чести не долженъ быть празденъ.

Когда Кайхозру по повелѣнію восхищеннаго своего дѣда возшелъ на престолъ Иранскій, просіяло солнце благоденствія на весь народъ его. Побѣда плавала на блистающихъ крылахъ своихъ надъ его войскомъ, и города его отзывались гласомъ благодарности. Онъ завоевалъ славно земли, къ областямъ его надлежащія, и отмстилъ по пристойности убійство родителя своего.

Здѣсь должно мнѣ умолкнуть; впрочемъ повѣствованіе мое доведетъ меня къ дѣяніямъ, въ коихъ рука сія не послѣднее имѣла участіе, что могутъ рассказывать другіе. Довольно, если я скажу, что неправедный владѣтель Афрасіабъ палъ подъ саблю Кайхозру, такъ какъ дубъ нагорный

низлагается подъ силою посѣкающаго топора. Сіе только приложу я, что все число денегъ, которыя сей совершенство изъ Государей, или предки его употребили во время войны съ Туранцами, и кои собралъ онъ съ подданныхъ по нуждѣ, а не изъ вольнаго налога, имъ точно возвращено, и подобно охлаждающему дождю въ лѣтнюю засуху низпали въ нѣдра обрадованныхъ жителей. Примѣръ, коему владѣтели Азіійскіе прилѣжно подражать, путь, которымъ владѣтели народовъ шествовать должны.

Хитрый Гіамасбъ тотчасъ примѣтилъ, что сія похвала Кайхозрою скрытое неудовольствіе противу нынѣшняго правленія въ себѣ заключаетъ, а притомъ разумѣлъ, что начертаніе совершеннаго Монарха, изображается перомъ истинны, и что память побѣдителя Афрасіабова, сердцу непобѣдимаго Ироя столь же всегда нова, какъ и драгоцѣнна.

Такъ далеко плылъ корабль злобныхъ его предпріятій по рѣкѣ щастливаго успѣха, погоняемый вѣтромъ надежды. Онъ воображалъ себѣ: Сынъ Каяхозру легко пріобрѣтетъ благосклонность Рустемову; однакожъ отложилъ въ ночь сію открыться въ своихъ вредныхъ намѣреніяхъ. Онъ выражалъ только распространенія краснословія своего въ удивленіи совершенствамъ Царя Иранскаго, поднялся съ мѣста, и провожденъ услужливыми благородными юношами въ свою назначенную опочивальню.

Но мягкость ложа, праведныхъ и добродѣтельныхъ въ сонъ приводящая, злонамѣреннымъ бываетъ гнѣздомъ скорпіонамъ. Принцы Цаблестанскіе вкушали сладчайшій покой, и прохлаждали утомленные ратными подвигами члены свои мастичною росой отдыхновенія. Одинъ Везиръ былъ угнѣтаемъ бунтующими страстями, и его часто прерываемая дремота едва доставляла ему время къ нужному для человѣка успокоенію.

Лишь только утро свѣтлыя облака покрыло багряницею, поднялся безпокойный Гіамасбъ съ своего безсоннаго одра. Онъ нашель Ироя съ сынами своими въ приготовленіяхъ къ ратному позорищу, намѣренному быть сыграну въ присутствіи Везиря Гистаспоав. Короны изъ вѣтвей масличныхъ и лавровыя вѣнцы, были назначены награжденіемъ юному дворянству, имѣющему оказать величайшія опыты проворства или силы.

По окончаніи сихъ подвиговъ, и по увѣнчаніи побѣдителей отъ примѣчательныхъ Герольдовъ, молодые Принцы удалились съ краткимъ почтеніемъ; а Гіамасбъ оставшись наединѣ съ непобѣдимымъ воиномъ, началъ открывать вѣроломство свое слѣдующими словами:

Хвала Каяхозрою, проистекшая въ потокъ велерѣчія изъ твоихъ ревностныхъ устъ, о освободитель Иранскій, съ того времени безпрестанно повторяется въ восхищенномъ моемъ слухѣ. Онъ по истиннѣ былъ великъ, и добродѣтели его превосходятъ всякое описаніе. Но ахъ! отрасли возвышенныя пальмы не могутъ достигнуть высоты и знаменитости отеческаго дерева, естли они посажены въ худой землѣ. Молодой левъ не подражаетъ своимъ пещернымъ предкамъ, есть, ли хребетъ его нагбенъ

подъ иго презрѣннаго вода. Такъ и мои жалобы не могутъ сочтены быть неправедными, когда народъ Иранскій въздыхаетъ о сказанномъ мнѣ неправосудіи, когда занявшіе мое мѣсто, кажется, сами неспособность свою ко оному признають. Внимай! Логоразвъ ведетъ жизнь свою, какъ пустынный въ башняхъ Баякскихъ, и сынъ его, Государь народовъ, Монархъ, коему я служу, и коего почитать желаю, проживаетъ юношество свое въ гордомъ уединеніи, скрываетъ себя отъ очей подданныхъ, и считаетъ оныхъ за недостойныхъ взирать на его величественное сіяніе.

Тамо выдумываетъ онъ въ своемъ неперемѣнномъ нравѣ отяготитеннѣйшіе и лютые налоги, коихъ выполненіе и слѣдствія на меня упадають. Выслушай, великомочный ратникъ! и не допусти великой душѣ твоей оскорбиться отъ словъ моихъ.

Сердце мое проливало кровавыя капли, когда непристойныя повелѣнія възвѣщались чрезъ меня народу Иранскому. Грудь моя воспламенялась негодованіемъ, когда приказано провозвѣстникамъ отъ твоей области до вершинъ Кавказскихъ, объявить конечное низложеніе прежняго богослуженія. Я почитаю добродѣтели Зоростровы, и содержу ученіе его возвышеннымъ; но принужденіе и жестокость по всегда удалены были отъ души моей.

Я предвидѣлъ, что твоя великая душа никогда не помирится оному; подъ видомъ уговорить тебя повиноваться царской волѣ, искалъ я свиданія съ тобою. Но днесь открою тебѣ истинное намѣреніе гласомъ чистосердечія.

Иранцы мерзятъ тиранномъ; они признають облегченіе своей бѣдности, доставляемое моими совѣтами, съ благодарностію. Они вѣдаютъ, что я строгость угнѣтенія часто уменьшалъ съ опасностію собственнаго живота своего, и часто притуплялъ жестокость острія. Теперь ожидаютъ они рѣшенія истиннѣ, отъ коей ты, левъ храбрости, довольно наставленія имѣлъ, что право Логоразвово на корону сего великаго царства не постоитъ противу опыта правосудія, когда сынъ совершеннѣйшаго Монарха безсмертнаго Кайхозроя, въ состояніи носишь оное съ достоинствомъ.

Открой любовь твою къ отцу сему твоихъ подданныхъ своею ко мнѣ склонностію. Скиптры и престолы будутъ твое награжденіе. Королевства и Княжества повергнутся къ стопамъ твоимъ. Одинъ ударъ браннаго меча твоего разсыплетъ воинства, могуція собраться къ защищенію мучителя.

Хотя грудь Рустемова надмѣвалась презрѣніемъ къ дерзости измѣнника; но законы гостепріимства воспрещали ему, возложить на него бремя чувствительности, тяготящей его душу.

Возвратись, коварный человекъ, сказалъ онъ, возвратись во дворець оскорбленнаго твоего Государя; исправь тамъ покорностію и раскаяніемъ преступническія злости твоего правленія. Законы, которыхъ Рустемъ преступать не можетъ, не дозволяютъ ему послать тебя въ Герать окованнаго въ цѣпяхъ; но знай, что сіе копіе, коимъ я днесь потрясаю, и

коего тѣнь одна наполняешь уже душу твою трепетомъ, подлость и измѣну можетъ наказать во всѣхъ предѣлахъ, гдѣ только обитаютъ сіи чудовища.

Возврати угнѣвленнымъ Иранцамъ, которыхъ ты подъ именемъ добраго, но неосмотрительнаго Монарха, имѣющаго злаго Совѣтника, гонишь первую свободу тѣла и духа, или ожидай отъ моей силы поносныя казни. -- Иди, возврищайся. Не осмѣливайся мнѣ больше говорить о родствѣ съ Кайхозроемъ. Онъ самъ не призналъ бы тебя своимъ сыномъ. Не однократно такъ отзывался онъ о тебѣ, когда злые плоды начинали произрастать съ вреднаго дерева твоихъ развращенныхъ склонностей. Никогда не дозволю я, чтобъ имя моего друга поносилось твоимъ мнимымъ правомъ. Змѣй пустынный родилъ тебя; ты не можешь требовать инаго наслѣдія, кромѣ колоды и вертеповъ. Но если бы я и могъ быть согласенъ, что ты не заслужилъ быть исключенъ отъ престола: то выборъ народный пресѣкъ уже твое право. Владѣтель избранный голосами, долженъ подкрѣпляться на престолѣ копіемъ Рустемовымъ.

Сказавъ сіе разгнѣванный Ирой, оставилъ вѣроломнаго Гіамасба, подобно раненаго стрѣлою ловчею тигра. Ярость и досада удушали его, и отчаянное сердце его не вмѣщало кромѣ вспыльчивости и насилія. Но онъ страшился гнѣва Цаблестанцовъ, коихъ и слова одни раздробили бы въ пыль его. Онъ созвалъ своихъ послѣдователей, и съ кипящею въ жилахъ свирѣпостію и мщеніемъ, возвратился къ Герату.

По прибытіи своемъ нашель онъ уединеннаго Царя въ прежнихъ покойныхъ упражненіяхъ, и въ томъ же округѣ недѣятельныхъ утѣхъ вертящагося. Зороастръ вкрадчивымъ велерѣчіемъ своимъ оковалъ сердце Монаршее, и въ отсутствіи Гіамасба владѣлъ царствомъ съ безпредѣльною вольностію.

Сему обманщику рассказалъ измѣнникъ, какъ не удалось ему при дворѣ Рустема, и открылъ ему вознамѣренія свои о принятіи отчаянныхъ средствъ, тою или иною лютостію здѣлать въ столицѣ возмущеніе, свергнуть Гистаспа съ престола и самому сѣсть на оный; при чѣмъ своему помощнику обѣщаль неисчетныя сокровища, богатѣйшее Сатрапство [Губернія] изъ всего Ирана, титуло Пророка и обоженіе отъ своихъ обманутыхъ подданныхъ.

Между тѣмъ Ирой Цаблестаисній опасаясь, чтобъ Гіамасбъ не воздвигъ возмущенія въ стѣнахъ Гератскихъ, послалъ сына своего Цалцера съ отборною толпою молодыхъ ратниковъ, и наставилъ онаго, представить неосторожному Царю его опасность, открыть честолюбіе его Министра, и совѣтовать не держать болѣе въ нѣдрахъ своихъ двоихъ наполненныхъ ядомъ змievъ.

Принцъ увеселялся воображеніемъ, что проѣзжать будетъ сквозь неизвѣстныя еще ему земли, и при дворѣ Гистасповомъ пріобрѣтетъ знаменитость своими совершенствами. Онъ принялъ повелѣніе съ очами блистающими радостію. Простился нѣжно съ своею любви достойною

сестрою, надѣясь, что печаль ея продолжается отъ утраты любимой птицы, и обѣщая ей приложить всю прилѣжность, въ полученію убѣгшаго болтуна. Перизада, прощаясь съ нимъ, пролила нѣжныя слезы, мало помышляя о томъ, скоро ли оставить она сама дворець родительской, и которое приуготовилъ уже ей ужасъ рукою судьбины.

Цалцеръ пробѣгалъ на своемъ быстромъ конѣ горы и доли; пять сотъ отважныхъ мужей послѣдовали ему. Такъ провождаетъ орла стадо пернатыхъ его данниковъ *{Повѣствуютъ, что орлу хищныя птицы отдаютъ дань изъ своей добычи, а особенно примѣтно оное въ скопахъ, которые улова большую рыбу, летаютъ и кричатъ; увидяжь орла приближаются къ нему, и бросаютъ ему подать сію, которую оный подхватываетъ.}* Ночью шествовалъ онъ подобно звѣздѣ небесной, и въ полуденный жаръ принималъ отдохновеніе, подъ сѣнію разбитыхъ при потокахъ водъ шатровъ.

Напослѣдокъ показалися глазамъ его блистающія башни столичнаго города, и при повторяемыхъ восклицаніяхъ чудящейся черни вѣзжалъ онъ во оный.

Какъ осторожности Везирской никакое таинство не могло быть долго скрытно: то изшелъ онъ на встрѣчу сыну Рустемову, котораго дѣло познавалъ уже по чертамъ разгнѣвавшагося отца его. Онъ ввелъ Принца, хотя сей и не охотно слѣдовалъ, въ домъ свой, и расточалъ собранныя въ сокровищницѣ своей богатства на великолѣпное угощеніе храбраго сего юноши. Легко было выдумать причины отсрочекъ допуска его къ Царю, и жилище Везирское доставляло толь отмѣнныя забавы, что Цалцеръ почти начиналъ повелѣнія Государя и родителя своего погружать въ потокъ забвенія.

Съ каждымъ утромъ находилъ Гіамасбъ новое извиненіе, для чего не представляетъ своего свѣтлѣйшаго гостя предъ престолѣ величества. Принцъ допускалъ себя связывать краснорѣчію того, на коего имѣлъ принести жалобы, и по котораго рабскимъ себѣ услужливостямъ, по малу начиналъ выслушивать съ удовольствіемъ, и почитать его не праведно, обвиняемымъ.

Въ сіе время, какъ уже сказано, прекрасная Перизада, оставила домъ родителя своего, и въ проведеніи преизящнаго Сагеба прибыла въ Карецмъ. Толь печальное повѣствованіе не должно быти повторяемо; то только слѣдуетъ упомянуть, что Гіамасбъ, трепещущій отъ неудачливо текущихъ своихъ происковъ, узналъ съ восхищеніемъ обстоятельное произшествіе сего дѣла. Прилѣжные его лазутчики изображали заточеніе Перизадино живѣйшими красками, и поступокъ Церира поносили горчайшими словами.

Льстивый искуситель въ то же мгновеніе сообщилъ о семъ брату оскорбленной Принцессы, и пораженіе онаго превышалось только гнѣвомъ его и бѣшенствомъ. Везиръ воспламенялъ гнѣвъ его отъ часу болѣе, и

изливалъ масло злобныхъ умысловъ своихъ въ огонь страстей его. Онъ представлялъ ему необходимость, мстить за честь сестры своей, и легкость покорить Церира, несогласіемъ своимъ съ Сагемомъ предоставленнаго врожденной дерзости своей и безразсудству. Онъ распространился въ причинахъ, по кототымъ Карецмяне должны жаловаться на Короля, коего неистовства безпрестанно повергаютъ ихъ въ пагубныя войны. И словомъ, обѣщаль Цалцеру торжественно, подкрѣпляютъ его въ его правахъ, предприемлемыхъ по толь приличнымъ основаніямъ, къ завоеванію Королевства обидчикова.

Имя побѣдителя, представленіе о Королевствѣ наполняло любочестнаго юношу радостнымъ безпокойствомъ. Онъ воздыхалъ о Перизадиномъ освобожденіи, и былъ столь жаждущъ въ битвѣ, какъ левъ Гиланскій. Посольство его къ Гистаспу, и повелѣнія Рустемовы увяли въ его памяти, подобно какъ сорванная съ зеленаго стебля своего роза, и онъ далъ неустрашимой стражи тѣла своего непосредственный приказъ, послѣдовать за его знаменемъ на оскорбителя его рода.

Но Гіамазбъ въ мгновеніе остановилъ сей жаръ, представя ему, что сила его слаба для таковаго предпріятія, и обѣщало ему надежднѣйшую помощь отъ разбойниковъ Ширванскихъ и Дагестанскихъ. Отъ сихъ неукротимыхъ грабителей, которые и прежде были уже страшны Карецмянамъ, и которыхъ сей Везиръ при впаденіи Короли Дилемскаго самъ поощрилъ пристать ко оному.

Онъ препоручилъ начальнику разбойниковъ Принца Цаблестанскаго, который съ неистовымъ жаромъ оставилъ Герать, направилъ путь свой въ горы, подкрѣпился тамъ войскомъ смѣлыхъ хищниковъ, вступилъ въ Карецмъ, и приближался къ замку, въ которомъ была заперта Перизада. Чрезъ сіе приключилъ онъ прекрасной сестрѣ своей новыя истоки слезъ; ибо горящъ отмщеніемъ, прибылъ въ самыя тѣ минуты, когда раскаявшаяся любовь готова была исцѣлить раны прежнія скорби.

Злый Везиръ не успѣвъ отвратить грозящую ему непогоду удаленіемъ Цалцера, и при томъ достигнувъ намѣренія своего о впутаніи Церира въ опасную войну, уговорился съ товарищемъ своимъ Зороастромъ о мѣрахъ къ сверженію Гистаспа съ престола. Народъ Иранскій, обманутый налогами правителя, приписывалъ оныя единственно Государю, взволновался, и готовъ былъ къ перемѣнѣ, а подкупленное золотомъ Гіамасбовымъ войско заговорилось, возложишь на его голову корону.

Хотя все было готово къ бунту; но требовалось каковаго нибудь виду къ начатію возмущенія, или лучше сказать, надобенъ былъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, кои собранное скопище разгорячаютъ, и разрываютъ поясъ нетерпѣливости. Злоба Зороастрова, которыя пронырство и лесть съ нѣсколькаго времени достигла господства надъ Гистаспомъ, примѣтила то вскорѣ.

Молодой Асфендіарь, коего младенческія улыбки радовали сердце любви достойныя Кенаіи и славу зрѣлыхъ лѣтъ его предзнаменующими казались, былъ predeterminedъ жертвою сего мрачнаго предательства. Искуситель уговорилъ легковѣрнаго Царя, что онъ какъ по небесному вліянію, такъ и изъ наблюденія звѣздъ предвидитъ отъ жестокаго духа Царевича сего великія опасности для царства, кои не могутъ пройти инако, развѣ будетъ онъ запертъ въ мѣдную башню и проведетъ уединенную и отъ честолюбія удаленную жизнь.

Слѣдственно прекрасный младенецъ взятъ былъ съ колѣнъ печальныя родительницы, и пронесенъ сквозь ропщущій, и о судьбѣ невиннаго дитяти болѣе собственныя огорченный народъ, въ плачевную свою темницу.

Едва вечеръ, распространилъ по холмамъ свое покрывало, собралось множество вооруженныхъ копіями и саблями округъ башни, требовали освобожденія Асфендіару, и напали яростно на царскую стражу.

Городъ въ одно мгновеніе сталъ позорищемъ опустошенія, и проклятіями противу мнимаго тиранна наполненный вопль,

Сынъ единогласенъ повсюду, и прерывался только словами: Спасеніе Гіамасбу, сыну Хозроеву, праведному владѣтелю Иранскому! Начальники бунтовщиковъ представили Везиря народу, украсили чело его царскою повязкою, и ввели во дворецъ.

Сей неожиданный ударъ возбудилъ Гістаспа отъ засыпленія; но нашедъ себя оставленна служителями и стражею своею, усмотрѣлъ, что бесполезна уже отчаянная бодрость, и убѣжалъ потайными дверьми переодѣтый въ платье разнощика. Вышедъ за предѣлы города, направилъ гонимыя свои шаги въ Балкъ, гдѣ родитель его давно уже обиталъ въ безопасномъ уединеніи.

Всю ночь пропитался онъ по лѣсамъ и пустынямъ съ пронзеннымъ отъ ужаса Сердцемъ, по утру слышалъ раздающуюся по долинамъ молву о своемъ паденіи, и чрезъ осторожное развѣдываніе о причинахъ возмущенія позналъ, какія жестокости производились подъ его именемъ.

Подобно спящему по среди лестнаго сновидѣнія возбужденному лучами возвращающагося солнца, раскаивался Гістаспъ тронутый гласомъ истинны, но поздно, о своемъ неосмотрѣніи. Бремя скорьби умножилось ему новою тягостію. Пришедъ въ Балкъ, увѣдалъ онъ, что Аргіасбъ измѣннически миръ нарушилъ, взялъ сей городъ, и тѣмъ подалъ причину душѣ почтеннаго Логоразва убѣжать изъ земнаго ея жилища.

Тогда не осталось уже неутѣшному духу его никакой надежды. Онъ слышалъ въ каждомъ городѣ, что голова его поставлена въ цѣну неисчислимую золота хотя прежняя уединенная жизнь его дѣлала незнакомымъ, и служила теперь къ безопасности дней его, но изъ собственнаго бѣдственнаго опыта научился онъ, что безчисленный противности ожидаютъ Монарха, удалившагося отъ кормила правленія

государственного, и предоставляющего свою и народа своего безопасность рукамъ невѣрности и честолюбія.

Съ таковыми разсужденіями, и вознамѣреніями впредь имѣть совсѣмъ иное расположеніе, естли небо опять доставить его на престолъ, провождалъ царскій странственникъ дни свои въ пещерахъ и лѣсахъ, а ночи продолженіемъ пути къ своему брату, коего обстоятельства ему были несвѣдомы, и на коего любовь онъ полагался. Онъ не помышлялъ, чтобъ тамъ рачительная злоба, изгнавшая его изъ собственного государства, нашла средство лишить его толь естественнаго прибѣжища, и что, по елику многія пути ведутъ въ бездну погибели, Цериръ могъ быть сверженъ такъ же по своей горячности, какъ онъ по нерадивости.

Нечаянными противностями понуренный умъ, спутывается въ мрачности мыслей своихъ, одна другой послѣдующихъ. Укоренія, кои долженъ дѣлать самъ себѣ, и кои угнѣтають жесточае цѣпей, опровергають самое мужество. Сіе было съ Гистаспомъ, укротившимъ чрезъ разумъ свой нѣкогда скопище разбойниковъ, вознесшихъ на грудь его кинжалы, и непрестерпѣвшимъ того; но днесъ уже онъ не въ состояніи не токмо употреблять разсужденія свои, но ниже доставало ему обыкновеннаго мужества, и каждый шорохъ листа считалъ онъ гонящимися безчеловѣчными убійцами.

Главная причина грусти его была та, что не имѣлъ онъ оружія. Онъ шествовалъ стезею осторожности и страха, и слѣдственно путь его былъ ему длиннѣе и огорчительнѣе, нежели былъ въ самомъ дѣлѣ. Онъ искалъ защиты отъ глада у милостивыхъ деревьевъ, коихъ навислыя вѣтви предлагали ему вкусныя даянія; у плодоносной земли, которая не бывъ воздѣлываема, различныя преизящныя травы и корни представляла, и у тысячи щедрыхъ чистѣйшихъ источниковъ, кои казались ожидающими приближенія утомленаго странственника.

Съ начала дивился Гистаспъ несказанно, нашедъ такое изобиліе истинныхъ богатствъ въ толь уединенномъ мѣстѣ, когда онъ въ большей части обитаемыхъ мѣстъ, около столичнаго города не видалъ, кромѣ замѣченныхъ перстомъ опустошенія; наконецъ усмотрѣлъ, что поврежденное человѣческое правленіе всѣ доброе, назначенное ему природою, превращаетъ, и очень часто вредить.

Въ одно утро удалившись въ густой лѣсъ, дабы благосклонную закрыту ночи замѣнить мрачною онаго тѣнію, изшелъ онъ совершенное вооруженіе, лѣжащее между тѣлъ двоихъ молодыхъ людей, коихъ лица и въ мертвыхъ чертахъ изображали впечатлѣніе зависти и корыстолюбія, которое, какъ чаятельно въ послѣднія мгновенія ихъ одушевляло. Раны ихъ подтверждали сіе упованіе.

При семъ плачевномъ видѣ пролилъ Гистаспъ слезы состраданія надъ оными невластными жертвами человѣческаго безумія, которое отъ хотѣнія приобрѣтенія, часто прежде наслажденія онымъ всего лишаетъ. Онъ

покрылъ бѣдныя останки прутьями и терніемъ, дабы сберечь оныя отъ снѣденія дикихъ звѣрей; потомъ взялъ предметъ ихъ брани, яко пріятный подарокъ себѣ, облекся въ блистательную сталь, и продолжалъ поспѣшно путь свой, и не скрывалъ уже себя болѣе отъ благодѣянія, кое небесное свѣтило отъ престола своего сіянія всюду простираетъ

Уже видѣлъ онъ съ вершинъ высокихъ горъ катящіяся струи Геона, и надѣялся уже достигнуть желаемого прибѣжища, какъ въ долинѣ усмотрѣлъ двоихъ ратниковъ, неровный бой производящихъ. Одинъ изъ нихъ, нѣсколькихъ невольниковъ при себѣ имѣющій, не стыдился обращать выгоды сіи противу своего непріятели и трусливѣйшимъ образомъ; другой многочастнымъ ударамъ противу поставлялъ только мужество свое и постоянство, что наполняло сердце Гистаслово удивленіемъ, и оживляло въ немъ всѣ искры врожденнаго великодушія.

Изгнанный Монархъ забылъ опасность, что можетъ открытъ быть. Нужное движеніе, производимое добродѣтелью, побудило его съ праведнымъ гнѣвомъ, заслуживаемымъ къ подлодушію, бѣжать къ нападаемому воину, разсыпать толпу подлыхъ его утѣснителей, и въ сіе мгновеніе видѣлъ онъ непріятели его побѣжденна и обезоруженна, который трепеталъ въ рукахъ его, подобно агнцу въ крѣпкихъ лапахъ льва.

Въ сію минуту выскочила изъ за-деревь пригожая и дрожащая дѣвица, бросилась предъ побѣдителемъ на колѣни, и вопіяла;

Ахъ! пощади его, пощади! не марай дражайшія руки кровію; сіи руки, кои я съ восхитительною нѣжностію лобзати желаю. Онъ только по принужденію супругъ мой: позволь сему имяни, на которое я не дала еще моего согласія, по крайней мѣрѣ спасти жизнь ему. Отпусти его, и удержи меня, какъ вѣрную спутницу при себѣ, которая желаетъ принимать во всѣхъ судьбахъ твоихъ участіе.

Встань сказалъ храбрый къ своей опредѣленной жертвѣ, и благодари любезнымъ устамъ, исходатайствовавшимъ тебѣ милостивый приговоръ.

Лучше, сказалъ побѣжденный, да буду я въ часть тысячекратной смерти, чѣмъ подвергну себя сраму. Коли, вонзай кинжалъ свой въ грудь мою, и когда я отъ твоего несправеднаго сердца не могу ожидать, кромѣ постыдныхъ встрѣчъ, то прилагай преступленіе къ преступленію, и мщеніе небесное вооружи сильнѣйшую руку моей страшнымъ перуномъ, чтобы на конецъ она тебя раздробила.

Отъ сихъ угрозныхъ словъ благородный ратникъ казался издыхающимъ пламя сквозь личникъ шелома своего. Уже воздвигъ онъ страшную саблю на своего непокориваго врага, какъ вдругъ одумавшись, поостановился, и потомъ обратясь къ прекрасной испытательницѣ своей чести, сказалъ:

О божество Души моей, имѣй сожалѣніе съ твоимъ несчастнымъ любовникомъ, который твои прелести долженъ оставить ненавистному совмѣстнику. Его упорное вознамѣреніе владѣть тобою, его теперішнее

отчаяніе, суть твоя безопасность; сего довольно мнѣ. Я не могу лишить его сокровища, кое числить онъ дороже жизни своей, которую ты ему испросила. Нѣтъ, помысль такового недостойнаго поступка на вѣки отравилъ бы мое ожиданное благоденствіе. Дозволь мнѣ, какъ и требуетъ сего истинное величество, простить ему, дерзость языка его и подлость защищенія, кое можетъ быть довольно извиняется безотвѣтнымъ моимъ на него нападеніемъ. Ахъ! я долженъ противу страсти поставить предразсужденіе, которое самага меня привело въ изступленіе, за кои я не могу довольно претерпѣть. Я бѣгу отъ тебя. О естли бы каждое мученіе, которое понесу отъ сей разлуки, приложило щастливый день къ твоей невинной жизни!

Сказавъ сіе, удалился онъ поспѣшно. Гистаспъ послѣдовалъ ему, бывъ столькожъ тронуть, какъ и онъ, хотя совсѣмъ по другой причинѣ. Оба они спѣшили въ лѣсъ коего зыблющіяся вѣтви при трогающемъ зрѣлищѣ, котораго они были свидѣтелями, являлись трепещущими. Тамъ Гистаспъ открылъ личникъ шишака своего, и вскричалъ:

О любезный братъ мой! мой возлюблен.--

Больше не могъ онъ выговорить. Любовь и радость пресѣкли голосъ его въ объемлющихъ рукахъ Церира, въ котораго сердцѣ не осталось ни малѣйшаго восноминовенія воспріятого прежде по видимому отъ Гистаспа оскорбленія. Взаимно нѣжный другъ о другѣ страхъ, былъ то, чѣмъ удержались братнія ихъ обниманія. Молчаніе и слезы были единственныя выраженія восхищенныхъ душъ ихъ. На послѣдокъ Гистаспъ взглянувъ печально на брата своего, сказалъ:

Не ужъ ли оба мы ниспали въ одинакую пропасть бѣдности? Здѣсь ли намъ долженствовало свидѣться?

Нѣтъ, отвѣчалъ Цериръ; мы не можемъ быть несчастны, естли опять соединены. При нашемъ послѣднемъ разлученіи были мы тѣмъ дѣйствительно. Корона, не можетъ замѣнить потерю братней любви, и я о своей не буду сожалѣть; естли опять имѣю твое дружество, естли нужна тебѣ жизнь моя, для отмщенія тебѣ оказанной несправедливости. Не давно свѣдалъ я, что дерзкой измѣнникъ восталъ противу тебя; но не знаю о страшныхъ сего подробностяхъ. Я съ моей стороны сражался не съ мрачною злостію, а воевалъ противу самой добродѣтели, и къ вѣчному стыду моему побѣдилъ ее.

Удалимся въ безопасное мѣсто, отвѣчалъ Гистаспъ, и тамо расскажемъ учиненныя нами погрѣшности, оплачемъ оныя, и естли можно, поправимся.

Они удалились по сему въ густѣйшую часть лѣса, гдѣ увидѣли малую хижину съ садомъ, окруженную высокимъ полисадникомъ и терновыми кустами обростшую.

Оба великіе Монарха Азіи, не могли взирать на сіе жилище, не имѣя въ томъ утѣшенія. Ихъ раззолоченные дворцы, ихъ пріятныя гульбища, не столь привлекали въ себѣ взоры ихъ, какъ сія соломой покрытая хижина, и сія дикая роца: ибо желаніе, слѣдственно и истинная нужда толь крѣпко сообщены съ недостаткомъ, что не возможно изобилію, одну отмѣнить, и другое удержать.

Въ томъ, какъ Гистаспъ и Цериръ съ любопытнымъ ожиданіемъ примѣчали желаемое ими уединеніе, таково ли пусто внутри, какъ казалось съ наружи, слышали они въ тонкихъ оныхъ стѣнахъ раздаваться жалобы. Они сдѣлали потому проломъ въ подгнившемъ заборѣ, и нашли въ хижинѣ престарелаго мужа, простертаго на голой землѣ въ видѣ краснѣйшей горести. Одна рука его поддерживала трясущуюся его голову, а другая держанъ исторженныя ею его волосы, подобныя снѣгу. При торопномъ входѣ Государей обратилъ онъ на нихъ смятенные взоры; но едва увидѣлъ Гистаспа, палъ онъ въ движеніи, превосходящемъ силы его, и кричалъ:

О чудовище, къ гибели моей рожденное! ты возвращается, чтобъ совершить оную? Не довольно ли тебѣ было лишить меня единственнаго моего сокровища, слѣдственно и жизни моей? Должно ли тебѣ послѣднія мгновенія мои еще огорчать, и принуждать меня, поносить силу, могущую продолжить по смерти моей мученія, кои приключилъ ты мнѣ злобно?

Онъ продолжилъ бы сей голосъ; но Гистаспъ былъ очень тронутъ, чтобъ могъ больше оной вытерпѣть. Онъ поднялъ свой личникъ, и сказалъ:

Разсмотри меня лучше, несчастный человѣкъ, и тогда считай меня причинителемъ твоей печали, въ коей сердце мое истинное пріемлетъ участіе, и горитъ желаніемъ оную уменьшить.

Ахъ прости меня, отвѣчалъ пристыженный незнакомый, прости мое заблужденіе- Сладкіе разговоры твои, страшное величество вида твоего, не имѣютъ ни малаго сходства съ дикими взглядами и обманчивыми усмѣшками моего лютаго врага. Оружіе твое обмануло меня, и еще я по оному въ нерѣшимости. О естли ты имѣешь жалость съ слабостію лѣтъ моихъ и оставленнаго состояніе, скажи мнѣ, скажи, сія сталь всегда ли въ твоихъ рукахъ была, или случаемъ во оныя досталась? Гистаспъ на толь усильную прозбу отвѣтствовалъ ему самую правду, коя была ядовитыми стрѣлами для сердца несчастнаго слушателя. Онъ поднялъ орошенныя глаза свои на небо и сказалъ.

О провидѣніе? коего судьбамъ я покориться долженъ, уловило ли ты искусителя въ собственныхъ его сѣтяхъ? Не не должно глубочае входить въ ужась праведниго твоего опредѣленія; уже довольно ты мнѣ оно открыло. И вы, сострадательные ратники! продолжалъ онъ съ вкорененными чертами жестокаго отчаянія, внимайте словамъ бѣднаго отца, и сообщите плачевную судьбу его въ лѣтописи ужасностей.

Я имѣлъ двоихъ сыновъ. Когда смерть возлюбленной супруги моей подала случай набрать мнѣ сіе уединенное убѣжище, я уповалъ, что сіи нѣжныя, родительскою любовію наблюдаемыя насажденія, приклонятся здѣсь подъ порядокъ природы, и удалилъ ихъ для того отъ развращающаго общества съ возможнымъ попеченіемъ и осторожностію. Времяпровожденіе ихъ дѣтства, невинныя забавы ихъ юношества нагрѣвали кровь мою новою жизнію; но не лзя уже воззвать пріятные часы изъ пропасти вѣчности. Должны ли послѣдующія имъ страшныя минуты истребить ихъ напоминовеніе?

Сіяющее солнце уже троекратно въ обыкновенномъ своемъ теченіи удалялось отъ развращенныхъ человѣкъ стыдяся, какъ по несчастію, отряженный Гіамасбовъ, открылъ мою пустыню. Онъ просилъ о покровѣ страннопріимства, и я дозволилъ ему не безъ негодованія. Мы сидѣли за столомъ умѣренности, который веселостію хотѣли учинить пріятнымъ; но сіе не надолго продлилось, и боязненныя предчувствія впади во мои мысли. Я видѣлъ обманъ въ очахъ гостя моего, и вѣроломство въ ласканіяхъ, которыя сказывалъ онъ словамъ моимъ, кои не примѣчая словъ его, утѣшались только блистающею его броней. Сей лютый волкъ понялъ несчастную склонность ихъ, и тотчасъ наострилъ когти суроваго своего краснорѣчія противу невинныхъ моихъ агнцовъ. Юноши, сказалъ онъ, вы кажетесь удивляющимися моему опасному снаряду: послѣдуйте за мною, и я постараюсь, чтобъ было въ вашей волѣ одѣться въ подобное украшеніе. Новый Монархъ Иранскій, который есть неизчерпаемый источникъ милости и щедротъ, проліетъ на васъ рѣки даянія, и пожалуетъ вамъ равное вооруженіе, которое вы можете промѣнять съ первымъ убіеннымъ вами человѣкомъ, имѣющимъ на себѣ лучшее.

Я видѣлъ впечатлѣніе, дѣлаемое въ неосторожныхъ робятишкахъ сею искусительною рѣчью, и говорилъ голосомъ измѣняющимся онъ гнѣва и робости. Оставь шутки, причиняющія скорбь отцу чувствительному; ибо не возможно, чтобъ въ правду желалъ ты нарушишь законъ страннопріимства, и лишишь меня сыновъ моихъ? Но и они не согласятся къ толь неестественнымъ дѣйствіямъ.

Чтожъ ты съ ними дѣлать задумалъ? отвѣчалъ онъ холодно. Не живыхъ ли ты ихъ хочешь погрестъ въ открытомъ гробѣ? Я предлагаю имъ чести, богатства, кои свѣтъ почитаетъ дорого. Я не принуждаю воли ихъ; пусть сами они изберутъ.

Нашъ выборъ совершенъ, вскричали они оба: естлибъ мы только увѣрены были, что получимъ вооруженіе, подо подобное твоему, то готовы за тобою слѣдовать.

Сіи въ рѣшительномъ звонѣ произнесенныя слова, исчерпали мое терпѣніе. Позорный сообщникъ неправеднаго владѣтеля, сказалъ я, не думаешь ли ты, чтобъ преступленія твоего Государя, коего ты

превозносишь, не были мнѣ свѣдомы? Я не такъ вовсе удалень отъ свѣта, что бы ни чего не слыхаль о томъ. Естьлибъ и нужда меня не побуждала ходить въ сосѣдственныя деревни; тобъ и звѣри лѣсные принесли во уши мои страшную вѣсть сію. Бѣдные Иранцы долго стенили подъ бичемъ, которымъ онъ старался отогнать ихъ отъ законнаго владетеля, и днесъ пріемлетъ онъ притворную кротость, коя скрываетъ въ себѣ вреднѣйшій ядъ, нежели обнаженный мечъ лютои. Но когда онъ желаетъ привлечь склонность нашу къ себѣ щастливою переменною своего состоянія, не должно ежу вмѣсто тиранства употреблять искушеніе. Тиранъ оковываетъ только тѣла, и подъ его угнѣтающимъ начальствомъ по меньшей мѣрѣ вкушаютъ подданные утѣшеніе, провождающее невинность: искушитель запутываетъ сердца въ тенеты оклеветанія, и дерзаетъ постыдное рабство называть вольностью.

Свободны ли Вельможи Иранскіе, когда они по видимому не принуждены усиліемъ; но золотою цѣпью приведены къ несправедливости? Свободны ли мои дѣти, когда ты ихъ у престарѣлаго отца не силою вырываешь, но уговариваешь оставить онаго безпомощна въ когтяхъ отчаяніе? Свободенъ ли я, когда принужденъ висъ и себя проклинать, вмѣсто пролитія слезъ любви и состраданія о судьбѣ ихъ?

Коварный тигръ приклонилъ внимательное ухо къ жестокимъ словамъ моимъ, чаятельно для того, чтобъ увѣдомить Гіамасба о расположеніи противу его подданныхъ, по чему и я получилъ бы надежду въ успѣхѣ, но вдругъ сей вскочилъ сказавъ:

Ступайте, мои храбрые юноши! оставьте стараго враля; вамъ должно разумно поступать. Идите, и слѣдуйте за симъ украшеннымъ шишакомъ!

Они встали, неблагодарные чады встали! Ахъ! ихъ отвороченные, едва только первымъ мохомъ покрытыя лица, покрыты были краскою преступленья. Я бросился въ передъ, охватилъ ихъ тонкія тѣла дрожащими моими руками. Можетъ бы воззвалъ я ихъ къ должности; но варваръ повергъ меня ударомъ жезла своего. Новая горячность, разлитая истиннымъ гнѣвомъ въ крови моей, возвратила меня къ жизни. Вознамѣренъ слѣдовать стопамъ неистовыхъ дѣтей моихъ, бѣжалъ я къ дверямъ моей огороды, но нашель оныя крѣпко заперты. При таковомъ послѣднемъ дѣйстви безчеловѣчія рѣвелъ я подобно львицѣ, ищущей дикихъ чадъ своихъ, и впадшей въ сѣти ловцовъ.

Когда ночь простерла мрачный свой покровъ, манилъ я воплемъ моимъ лѣсныхъ звѣрей, чтобъ пришли они разложить слабый оплотъ, противу ихъ устроенный. Они отвѣтствовали мнѣ страшнымъ вытьемъ; но страхъ или сожалѣніе удержало ихъ, и я долженъ бы умереть грызомый зубомъ бѣдности, естьлибъ сострадательное небо не послало ихъ, удержатъ на нѣсколько пища скорбей и моей жизни.

Сыновья мои воспріяли страшную мзду преступленія своего, и я уповаю, что казнь искусителя ихъ предшествовала тому. Можетъ ли моя не быть приближенна! Предъ страшнымъ судилищемъ, коему я предстану, принесу я жалобу и дамъ отвѣтъ о семъ ужасномъ сплетеніи!

Не долженствовало ли мнѣ помыслить, что смертный ядъ не токмо теряетъ часть крѣпости своей, когда медлительно проливается въ жилы; но и въ шествіи своемъ можетъ удерживаться надлежащими противу ядами. Мнѣ надлежало бы ввѣренныхъ надзиранію моему юношей мало помалу научать опасностямъ отъ общества бывающимъ, мнѣ бы надлежало благовременно ихъ предостеречь. Но ахъ! предпріавъ неудачливое намѣреніе, разлучишь мнѣ съ свѣтомъ, слѣдовало сему токмо служила къ моимъ предопредѣленіямъ, чтобъ остеречь ихъ отъ тайно вскользающихъ пороковъ. Я не опасался, чтобъ явное насиліе, или обнаженное искушеніе могло дорваться въ прибѣжище невинности; ибо справедливый Логоразвъ владѣлъ тогда въ Иранѣ.

По возшествіи Гистасповомъ на престоль, такъ же неопасно мнѣ было въ моей пустынѣ. Кто бы не имѣлъ лестной надежды о Царевичѣ, которому Локманъ сообщилъ ученіе премудрости, коего юношество, блистающее чистымъ золотомъ добродѣтелей, вышло изъ горнила противностей? О! естли бы вопль мой достигъ ушей его! естли бы увидѣлъ онъ ужасъ, въ который повергла меня порочная его безпечность! онъ конечно бы остерегся. Естли милосердное небо возведетъ его на престоль по прежнему, повергать подданныхъ своихъ въ толикія горы нещастій; по меньшей мѣрѣ смерть моя можетъ бы могла быть полезна свѣту.

Желаніе твое исполнилось, вскричалъ Гистаспъ, который не могъ болѣе удержаться. Взирай на твоего виновнаго, и о справедливости наказаннаго Государя, близъ тебя простертаго на колючихъ терніяхъ скорби, готоваго купно съ тобою погрузиться въ безднѣ отчаянія. Удержи его, хотя ты самъ на нещастномъ краю онаго стоять, то онъ замѣнитъ потерю сыновъ твоихъ, и будетъ любить и почитать тебя, какъ отца своего и благодѣтеля.

Да, тебѣ я долженъ цѣлебнымъ свѣтомъ, разогнавшимъ тьму моего самолюбія. Теперъ вижу я скрытое чудовище, въ коего власти былъ я толь долго. Истинное намянованіе его упрямство, воображенная гордость, однакожь оно называетъ себя постоянствомъ. Имъ былъ водимъ я, и былъ опредѣленъ къ мужескимъ упражненіямъ, остался въ женоприличномъ уединеніи. Оно дѣлало, что я презиралъ представленія истинны, противился склонностямъ состраданія, и открылъ сердце мое льстивнымъ измѣнникамъ. Но естли сіе истинное признаніе моихъ заблужденій можетъ возвестъ меня въ состояніе, и удовлетворитъ погрѣшности мои, то буду я взирать яко на первую должность мою тебѣ за несравненныя страданія твои доставлять всевозможныя отрады.

Жестокое изумленіе изобразилось на чертахъ лица сего престарелаго мужа, до коль слушалъ онъ слова Гистасповы, напоследокъ сомкнулись слезящія очи его, и опустился онъ, по видимому, въ нечувстіе вѣчнаго сна.

Въ томъ какъ печальный Монархъ оглядывался ища помощи, увидѣлъ онъ новаго зрителя сего плачевнаго позорища, и нашель въ немъ одного изъ двухъ невольниковъ, кои некогда по повелѣнію Ацимову привозили разбойникамъ за него выкупъ, который со дня его благополучія былъ знатно отъ него награжденъ; но о коего привязанности въ себѣ забылъ онъ во время всеобщей своей безопасности.

Кецри, вскричалъ онъ, нарочно ли ты слѣдовалъ за мною въ сіе жилище слезъ, или провидѣніе направило сюда стопы твои?

Должность моя, отвѣтствовалъ Кецри, провождать тебя по пути безпокойствъ и отягощеній, и мое первое попеченіе должно быть, успокоить приличное твое замѣшательство въ разсужденіи его предмета.

Сказавъ сіе, приблизился онъ къ жалости достойной жертвѣ родительскія любви, и чрезъ крѣпительный Еликсиръ доставилъ ему употребленіе чувствъ. Потомъ обратясь къ Государями, просилъ ихъ, тѣмъ же средствомъ цѣльбоносныхъ капель ободрить изчерпанная жизненные духи, и удалиться для покоя, обѣщая имъ при томъ, должность утѣшителя сохранить съ неутомленнымъ попеченіемъ.

Гистаспъ и Цериръ ощущали лобзанія раскаянія безконечно мягчайшими, нежели пустыя угрызенія совѣсти. Они наутріе проснулись съ необыкновенною бодростію, которую Кецри приумножилъ пріятною надеждою, почтеннаго хозяина ихъ возвратитъ къ жизни, и можетъ въ чѣмъ нибудь успокоить. Они удалились въ простой садъ, сѣли подъ кедромъ, коего сплетшіяся благовонныя вѣтви дѣлали естественную пріятную затѣнь, и Гистаспъ началъ говорить слѣдующее:

Укоренія, произнесенныя противу меня гласомъ ужаса, предварили тебя столькожъ, какъ мое собственное признаніе истинны и несчастнаго источника приключившихся мнѣ злощастій. Теперь открой мнѣ ты паденіе свое разнымъ ли со мною причинамъ приписать долженъ, и еще оному безпредѣльною повѣренностію въ нѣжныя нѣдра брата твоего по малой мѣрѣ утѣшенія.

По симъ ободрительнымъ рѣчамъ открылъ Цериръ уста замѣчательныя, и повѣствовавъ съ вѣрностію кривыя пути, коимъ слѣдовало уже нимъ перо сего писанія, и когда оставилъ его Гистсповъ ужасъ при объявленіи подложнаго письма, отвѣтствующаго на прозбу помощи противу Дилемлянъ, кое было именемъ его послано отъ Гіамасба, продолжалъ Цериръ приключеніе свое до мѣста, гдѣ остановилась повѣсть его, потомъ оканчивалъ въ живѣйшихъ выраженіяхъ, какія только дозволяло употреблять ему раскаяніе, слѣдующимъ образомъ:

Я не могъ не благодарить Мелеки, и подаваемые имъ мнѣ въ надлежащее время совѣты, хотя презиралъ истинныя причины его усердія; ибо сердце мое воздыхало по человѣкѣ, котораго я дѣйствительно высоко почиталъ, и думалъ благонадежно, что Перизадина невѣрность отвратитъ Сагеба отъ пользы сея волшебницы, и первыя мои шаги направилъ къ жилищу его, окруженному стражею, и говорилъ ему:

Смотри ты, ослѣпленно чистосердный человѣкѣ, виждь соборъ всѣхъ добродѣтелей" которыя ты много уважаешь, преображенный въ коварную и измѣнническую Женщину, которая употребляя въ пользу прежнюю мою склонность, искала слухъ мой ласкательнымъ гласомъ любви ложныя оглушить для звука оружія. Цалцеръ шествуетъ съ сильнымъ воинствомъ къ Цамакшару. Честолюбіе его возбудилось, и прикрито личиною мщенія за мнимо терпящую Перизаду. Она обманула легковѣрную Ситару, и нашла средство, чрезъ сіе заманить меня въ сѣти своей злости, и мѣтила въ самое то мгновеніе въ мою гибель, когда видѣла слабое мое сердце склоннымъ къ возложенію тѣхъ цѣпей, которыя я низвергъ. Теперь называй сіе добродѣтелью, жертвовать такому идолу твоею дочерью, твоею честью, и твоимъ другомъ.

Нѣтъ, Государь, отвѣтствовалъ непокоривый Сагебъ; никогда не пожертвую а оныхъ: совершеннѣйшій предметъ, сильнѣйшія страсти, величайшія корысти, не могутъ меня къ тому принудить. Всегда буду я нѣжный, но непредразсудками объятый родитель. Я охраню честь мою дѣяніями праведными, и докажу вѣрность мою въ дружествѣ, когда свѣчу истинны буду безпрестанно держать предъ очами моего друга.

Прости, потому воображенію моему, естли а утверждаю, что ты обманывается въ мнѣніи своемъ о Перизадѣ. Можно ли марать чистыя голубиныя ея перья чернымъ пухомъ ворона? Можетъ ли чистая и благородная душа употреблять подлыя хитрости и порочныя обманы? Безъ сумнѣнія неукротимый гласъ молвы возвѣстилъ Цалцеру причиняемую сестрѣ его несправедливость, и его извинительная жажда къ мщенію, есть единственное основаніе къ оклеветанію несчастной Принцессы, когда она можетъ быть и въ сей часъ удерживаетъ руку разгнѣваннаго своего брата.

Но да не потеряемъ времени въ пустыхъ чаяніяхъ, когда предстоящая опасность зоветъ насъ въ дѣйствіямъ. Хочешь ли ты неготовыхъ подданныхъ Своихъ предоставить смерти или неволи, противясь исполненію повелѣваемому долгомъ справедливости? Хочешь ли ты въ осажденномъ городѣ ожидать новой милости съ небесъ, которыя оскопляешь своею ненавистію? О дозвожь человѣку, по твоей волѣ оставившему сѣнь благословеннаго покоя, невидать сихъ несчастныхъ дней! Не допусти невинный его къ согласнымъ звонамъ порядка пріобыкши слухъ быть пронизаемъ страшными звуками проклятія твоей несправедливости! Не

опредѣляя сердца его къ лютому сраженію между нѣжности къ тебѣ и своей природной склонности къ справедливости.

Съ радостию предлагаю я тебѣ въ жертву жизнь мою, но не допущу жизнь другихъ быть пресѣченну мечемъ несправедливости: по сему припадая къ ногамъ твоимъ прошу, позволь мнѣ должности, кои я своеохотно возложилъ на себя, исполнить такъ, какъ требуетъ общая наша честь и спокойство. Дозволь мнѣ поспѣшить въ Цалерово ополченіе, и чрезъ щастливое примиреніе укротить волнуційся Океянь брани, а при томъ учинить тебя владѣтелемъ всѣхъ совершенствъ, какія только могла соединить природа въ единой женщинѣ; ибо благополучіе твое должно быть истинною и драгоцѣннѣйшею мздою моего усердія.

Могу ли я изобразить тебѣ, возлюбленный братъ, впечатлѣніе, которое трогаящія слова, убѣдительное расположеніе, и нѣжные слезы Сагеговы во мнѣ произвели? Я поднялъ его, прижалъ къ груди моей, вдыхалъ, какъ мнѣ казалось въ объятіяхъ его свободнѣйшій воздухъ: и равно какъ бы благоуханіе добродѣтелей его свой животворный пиръ вливали въ мое сердце; но вскочившая въ ту комнату Цулика, возбудила меня изъ моего щастливаго восторга, И обратила меня къ нападеніямъ моихъ безразсудныхъ страстей.

Избавь меня, возлюбленный Государь, вскричала она, бросясь къ ногамъ моимъ, избавь меня отъ мучительницы Гулруцы, которая обнадеживаетъ, что меня чрезъ нѣсколько мгновеній сочетаютъ съ Елихомъ, потому что ты покорясь Цалцеру, долженъ будешь отъ его угрожающей руки принять струганную сестру его. Я на обѣщаніе твое не дѣлаю требованія. Нѣтъ, Боже избавь, чтобъ ты для злощастной Цулики низшелъ съ престола; но за чѣмъ опредѣляютъ, что отдала я иному склонность свою, когда честь быть Королевою Карецмскою, не можетъ уже быть моимъ жребіемъ? Не обѣщала ли я, что мое сердце всегда будетъ тебѣ надлежать, когда ты на моихъ трепещущихъ устахъ тѣже произносилъ клятвы? За чѣмъ не дозволяютъ мнѣ взять послѣднее горестнѣйшее прощеніе?

О! мы не разлучимся, вскричалъ я, прижавъ любви достойную и невинную дѣвицу къ сердцу моему. Гулруца, Цалцеръ и Перизада пусть бѣсятся отъ любви нашей, но ничто.-- --

Удержись, заблудшій Король, пресѣкъ рѣчь мою Сагебъ, и вырвалъ дочь свою съ движеніемъ, мало пристойнымъ должности и разуму своему, изъ рукъ моихъ; удержись, и не допускай твоему безстыдному языку подавать свидѣтельства порочныхъ паденій твоего непостояннаго нрава. А ты, дерзкая дѣвка, продолжалъ онъ, оттолкнувъ ее жестоко рукою, удались, и не принудь меня проклясть простоту твою, которая постыднѣе тончайшей злости.

Отъ сей встрѣчи отступила назадъ Нулика съ ужасомъ, и искала прибѣжища въ нѣдрахъ нѣжныхъ послѣдующей за нею родительницы своей.

Во мнѣ огонь гнѣва разорилъ послѣднія слѣды чувствованія, возбужденнаго прежде во мнѣ Сахобомъ. Съ яростнымъ взоромъ обратясь къ нему, сказала я:

Голова твоя, измѣнникъ, залогъ мнѣ сего неоцѣненнаго сокровища; я оставляю его въ рукахъ твоихъ, пока приведу въ неопасность жилище любви моей, и дерзкаго непріятеля, отъ коего имяни содрогается душа твоя, прогоню. Останься въ стѣнахъ своихъ, робкій, которыя -- обѣщаю сіе тебѣ -- окружу крѣпкимъ воинствомъ. Не долго замедлится, и признаешься ты, что сынъ Логоразвовъ не мало не требовалъ твоей помощи, когда пришелъ взглянуть на низкое твое состояніе.

Я вижу, возлюбленный мой Гистаспъ, что ты скоропостижнымъ перемѣнамъ души моей внѣ себя отъ изумленія. Они самому мнѣ непонятны, и отъ ненавистнаго оныхъ припоминовенія объемлетъ меня страшный трепеть. Да, неукротимыя волны бурливаго моря, жесткость вихря, опровергающаго противящіяся ему каменныя горы, суть слабое начертаніе мыслей моихъ, и поступокъ въ крайностныя часы оныя. Я горѣлъ отъ гнѣва на Сагеба и отъ любви къ Цуликѣ. Негодованіе кипѣло въ жилахъ моихъ, когда помышлялъ я о безстыдномъ непріятелѣ, осадившемъ столицу мою. Помуренныя лица моихъ подданныхъ растопляли жалостію сердце мое.

Какъ могло избавить меня только отчаянное защищенье, то не преставалъ я уговариваніями и примѣромъ ободрять малое число воиновъ, бывшихъ въ городѣ. Денно и ночью дѣлали мы вылазки изъ осажденныхъ воротъ нашихъ, и подобно отборному стаду львовъ, наступали на неисчисленное скопище слабѣйшихъ звѣрей, и возвращались не безъ доказательства, что множество не можетъ сражаться съ храбростію; ибо, хотя Цалцеръ былъ противникъ непренебрегаемый, но разбойническое войско не и подкрѣпляло его мужества.

Судьба опредѣлила мнѣ быть побѣжденну страшнѣйшимъ непріателемъ, котораго ярость я не старался приводить въ робость, который престолъ мой оковалъ гвоздями безпокойства, и низвергъ меня на послѣдокъ со онаго въ прахъ. Сія вражеская власть былъ горячій нравъ мой. Послѣднее дѣяніе его приведетъ тебя въ трепеть, и при разсужденіи о моихъ преступленіяхъ забудешь ты собственное свое раскаяніе: ибо погрѣшностей твоихъ со онымъ никакъ сравнить не можно.

Осада продолжалась мѣсяць, и храбрый отпоръ нашъ, остудя жаръ, наступателей принудилъ поудалиться, какъ въ одинъ день, когда я отъ усталости впалъ въ легкій сонъ, подлый Мелекъ разбудилъ меня, и гремѣлъ во уши мои слѣдующее:

Встань, Государь! покой твой на вѣки потерянъ, естли хотя мгновеніе замедлишь. Темница Елихова въ шумѣ послѣдней вылазки разломана, и онъ предводительствуя бунтующими своими освободителями, открылъ путь

чрезъ строку въ полаты Сагеровы, по котораго приказу тогдажъ сочиненіямъ съ Цуликою.

И ты дерзаешь престать мнѣ съ сею страшною вѣстію не принося въ рукахъ головы сихъ измѣнниковъ? вскричалъ я голосомъ у почти удушеннымъ отъ бѣшенства. Не думаешь ли ты, что мнѣ должно замарать руки подлою ихъ кровію? Довольно для нихъ и той чести, естли отъ тебя оная пролита будетъ. Бѣги съ глазъ моихъ, и не осмѣливайся дыхнуть предо мною, доколь не исполнишь сего омерзительнаго опыта твоей должности.

Негодный человѣкъ повиновался съ вѣроломнымъ усердіемъ злобы, и оставилъ меня въ такихъ чрезвычайныхъ мученьяхъ мыслей, которыхъ никакой языкъ изъяснить не можетъ. Я пылалъ огнемъ отъ оскорбленія, и трепеталъ смертельнымъ холодомъ, при ожиданіи исполненія моего мщенія. Каждое мгновеніе разглашался въ ушахъ моихъ страшный звонъ торжествующаго Мелекова голоса, и казалось, что представляетъ онъ мнѣ блѣдную и кровавую голову Сагерову, котораго глаза еще вооружены тысячью стрѣлами справедливыхъ укоризнъ: то бѣжалъ я торопными шагами остановить лютой приказъ свой: но вообразя Цулику во объятіяхъ ненавистнаго Елиха вдругъ останавливался.

Такое изступленіе изчерпало на конецъ жизненныя мои души. Я упалъ вспять на софу, закрылъ лице мое мантиею, и былъ какъ человѣкъ на пыткѣ, который хотя борется съ жизнію, но отъ несносныхъ болѣзней принужденъ желать конца своего, и въ таковыхъ одно другому противоположенныхъ чувствованіяхъ, теряетъ утомленныя силы свои.

Не вѣдаю, сколько я стоналъ въ семъ страшномъ самосраженіи, изъ коего возбужденъ давленіемъ холодной и дрожащей руки. Я воспрянулъ отъ прикосновенія онаго, равно уязвленный смертельнымъ жаломъ ехидны, а какъ мракъ наступающей ночи соединенъ былъ съ темнотою, въ которой чувства мои были облечены, то чаялъ я видѣть Мелека предъ собою, орошеннаго неповинною кровію, взирающаго на меня робостнымъ взоромъ подлаго убійцы.

Чудовище, вскричалъ я, произвелъ ли ты ужасное дѣло? То вонзи твой жаждущій меня мечъ въ преступное мое сердце, или принимай должную мзду свою.

Сказавъ сіе, всталъ я въ изступленіи, искалъ моей сабли, какъ кроткій голосъ, подобный дыханію весенняго воздуха, вѣщалъ ко мнѣ:

Ахъ! Цериръ, тебѣ не нужно оружіе смертное ко умерщвленію сердца вѣрной твоей Ситары. Страданіе о состояніи твоёмъ лучше произведетъ сіе въ дѣйство. Но прежде нежели паду я подъ бременемъ моей печали, дай мнѣ спасти дражайшую жизнь твою. Бѣги въ сіе мгновеніе, когда еще ратникъ, котораго уговорила Перизада къ защищенію твоему, сберегаетъ дворець твой отъ поруганія, когда еще нѣжныя убѣжденія ея удерживаютъ ходъ возмущеннаго ея брата; и твои взбунтовавшіеся подданные,

отворившія Цалцеру городскія ворота, спѣшатъ къ жилищу Везиря твоего.--

--

Видѣть лютость мою, проклинать оную, кричалъ я -- -- Я пойду туды представить имъ жертву примиренія, и дать себя на тѣлѣ сего праведнаго мужа пронзить тысячью кинжалами.

Сагебъ живъ, отвѣтствовала Ситара, предпріятіе Мелеково, подавшее причину къ возмущенію, такъ кончило, и, какъ оно заслуживало. Сама Гулруца пронзила безбожное его сердце, не разсудя, что подлый человѣкъ не заслуживалъ умереть отъ руки великодушной женщины.

За чѣмъ же мнѣ бѣжать, говорилъ я, естли преступленіе мое не произведено въ дѣйство? Я могу еще съ неустрашимымъ мужествомъ обороняться, или умереть съ честію. Можетъ быть я могу еще привлечь къ себѣ сердца моихъ подданныхъ, О! я могу можетъ быть освободить еще несчастную Цулику изъ рукъ мерзкаго Елиха.

То должно тебѣ, отвѣтствовала Ситара, спѣшить къ сторонѣ сада, которая орошается Геономъ, гдѣ ты найдешь лодку, готовую для избавленія твоего. Сей путь давно уже предпріяла Цулика съ Елихомъ, Естли ты сію несчастную красавицу желаешь опять видѣть, переправляйся немедленно за рѣку, и уклоняйся съ крайнею осторожностію новыхъ враговъ; чѣмъ Туранцы заклились твоему Царскому роду. Ахъ! куды мнѣ обратишь твои стопы, гдѣ бы не былъ ты окруженъ непріятелями, когда твое ожесточенное сердце единственную сильную и чистосердечную другиню отвергаетъ, коя могла бы прекратить бурю сего несчастія.

Не отдавай вѣроломной Перизадѣ сего освященнаго имени, сказалъ я, ты моя единственная другиня. Естли жизнь есть благодѣяніе: то тебѣ одной ею я обязанъ. Прости моей невольной страсти, коя несправедлива въ твоимъ прелестямъ и добротамъ, и пріими съ сими нѣжными объятіями обнадеженіе вѣчныя благодарности.

Съ словомъ симъ освободился я изъ слабыхъ цѣпей, въ которыхъ заключали меня Ситарини объятія, и гонимъ безразсудною любовію, обратилъ я къ славѣ и должности стопы стыда. Пробѣгая оставленный мой дворецъ, слышалъ я разносящійся по городу гласъ смѣшенныхъ восклицаній: Да здравствуетъ Король нашъ Цалцеръ, и Везирь его преизящный Сагебъ!

Тронутый симъ ненавистнымъ звономъ, остановился я на нѣсколько, борясь между упорства моего праведнаго гнѣва и слѣпая страсти, которыя на послѣдокъ новый ударъ, вничтожить ихъ долженствующій, обратили къ выгодѣ сердца. Ахъ! сказалъ я самъ въ себѣ, какимъ образомъ оправдаетъ Сагебъ неправеднаго завоевателя престола моего, естли прилагаетъ онъ оскорбленіе къ оскорбленію, преступленіе къ преступленію, то все мои прежнія обязательства погасли, и истреблены угрызения совѣсти. Уже могу я

безъ преступленія насытитъ жажду мщенія въ крови Елиховой, и гладъ любви моей во объятіяхъ Цулики.

Съ подлою утѣхою сихъ помышлений, приказалъ я гребцу пристать въ томъ мѣстѣ къ Туранскому берегу, гдѣ предъ тѣмъ пристало отшедшее судно. Ежели ты думаешь о лодкѣ, говорилъ сей, которая дочь добраго нашего Везиря, съ мужемъ ее привела въ безопасность отъ неистовства нашего горячаго Короля: то оная не переѣзжала за рѣку, но поплыла по берегу: ибо прекрасная бѣглянка намѣрена искать покровительства въ Иранѣ. Туды можешь и ты плыть, и какъ намъ великодушно заплачено, чтобъ мы повиновались тебѣ, то въ твоемъ повеленіи избирать путь.

Безъ негодованія проглотилъ я при семъ открытіи горькую чашу деревенскаго ихъ чистосердечія. Пріятно было мнѣ, что они меня не знали. Я отдалъ имъ приказаніе, сѣлъ на жоскія скамьи ихъ спокойнѣе, нежели прежде на порфирномъ моемъ ложѣ, и говорилъ самъ себѣ:

Я не былъ рожденъ для царскаго достоинства. Сердцу моему не нужно онаго сіяніе, и не будетъ оно подавляемо посторонними заботами, когда по его статномъ чувствованіи находится неизчерпаемый источникъ наслажденія. Цалцеръ пусть держитъ тяжкій жезлъ правленія, который будешь ему еще отяготительнѣе бременемъ несправедливости. Пусть Перизада свой мстительный лобъ покроетъ Короною, которая не можетъ разогнать облака стыда, въ коемъ скрывается ея пріобрѣтеніе. Пусть Сагебъ упражняется опредѣлить истинные предѣлы между правды и неправды, которыя онъ, какъ познать онъ долженъ, самъ преступилъ. Я съ моей стороны спокоенъ, естли могутъ меня увеселять пріятныя осѣненія любви, когда рука моя не ощущаетъ бременя лѣжащія на оной возлюбленныя, когда чело мое окружается живыми вѣнцами розовъ безъ тернія, неувядающихъ миртовъ и бѣлыхъ жасминовъ, когда я вдыхаю чистѣйшій воздухъ спокойныя невинности и невозмущаемаго удовольствія, не имѣя нужды заботиться, чтобъ былъ оный поврежденъ злыми парами преступленія и раскаянія, замѣшательства и лицемѣрства. Да, естли бы Елихъ былъ въ крѣпости и храбрости вторый Рустемъ, не можетъ онъ оспорить мнѣ владѣнія Цуликою: я получу драгоцѣнную добычу, надлежащую мнѣ, яко свободный подарокъ любви, и братъ мой, коего нѣжность возбудится при моемъ присудствіи, безъ сумнѣнія очиститъ мнѣ уголокъ въ пространномъ царствѣ своемъ, гдѣ могу я увѣнчать мое очаровательное усыпленіе.

Таковыми пріятными мыслемечтаніями сокращалъ я длинные часы ночи, и опасаясь, чтобъ рѣзвыя веслы гребцовъ не пронесли меня далѣе, нежели должно быть мнѣ щастливу въ погонѣ моей, вышелъ я поутру на берегъ, приближался въ одно селеніе, и перваго встрѣтившагося просимъ о доставленіи утомленному путешествующему прохлажденія. Прозба моя исполнена съ радостію, и какъ въ теченіи разговоровъ нашихъ дошла рѣчь

моя до освѣдомленія, и я спросилъ, сіяетъ ли днесъ слава Гистаспова въ Хоразанѣ или Парсѣ: то хозяинъ мой взглянулъ на меня изумительно, и отвѣтствовалъ.

Молодой человекъ! я вѣрю въ разсужденіи твоихъ добродѣтельныхъ намѣреній больше чистосердечію вида твоего, имъ знакамъ чести тобою носимымъ; ибо часто благородной брони худое покрываешь сердце, но спокойство никогда не сокрывало порочнаго намѣренія. .. Но откуда шествуешь ты, не вѣдая, что пріятны* прохлады Истакшарскія и высокія башни Гератскія, уже мы власти неправеднаго владѣтеля? что Гистаспъ пренебрегъ должности къ своему народу, и чрезъ то потерялъ свою Корону, кою вѣроломный Гіамасбъ купилъ себѣ цѣною несправедливости? Не ужли великое царство Иранское таковой маловажности, для молвы народныя, что тяжкія нещастія его и чудныя перемѣны не извѣстны свѣту?... Однакожь ты не первый, подающій мнѣ поводъ къ смиренному сему разсужденію. Дворянинъ изъ Карецма, ночевавшій прошедшей ночи подъ сею мирною крышею съ супругою своею, былъ также пораженъ сею нещастною вѣдомостію, хотя не столько, какъ ты, казался тронуть.

Говорящія слезы моей безмолвныя скорби обнадежили вѣрнаго Иранца больше, нежели слова, что его тайныя чувствованія сообщены въ грудь вѣрную. Я простился съ нимъ съ благодареніемъ. Сіи послѣднія наши сѣтованія упоили меня и я бродилъ по лѣсамъ, ни мало не помышляя о прежнихъ моихъ прідпріятіяхъ.

Послѣ моихъ мнимыхъ прозерцаній благополучія, послѣдовало мрачное возрѣніе на дѣйствительную бѣдность, которая представляла мнѣ воображеніе о потерянныхъ средствахъ прійти на помощь къ тебѣ, въ полной своей великости. Измѣнничество и злоба Гіамасбова возвратили въ память мою всѣ опыты чистосердечна преданности и добродѣтельна усердія оказываемыхъ мнѣ Сагебомъ, и послѣдній порокъ мой, который я побѣдилъ, былъ острѣйшимъ жаломъ укореняя собственному моему сердцу.

Углублень въ сіи размышленія, вступилъ я на долину, гдѣ нашель ты меня, и моя обыкновенная ярость возросла во мнѣ по прежнему при усмотреніи Елиха, на коего я напалъ -- -- Но ты видѣлъ наше сраженіе; тебѣ долженъ я щастливымъ онаго слѣдствіемъ. Сіе только прибавлю и, что съ того мгновенія простилъ я ему мое оскорбленіе, и погасилъ любовь мою; ибо въ чувствованіяхъ моихъ произошла таковая перемѣна, что я самъ едва узнаю себя. Я не могу приписывать оныя неудачъ моихъ надеждъ чрезъ мое нещастіе, понеже по среди моихъ попеченій получить Нулику, предпріалъ уже я вести ее въ родителю моему яко въ безопасное прибѣжище, и какъ чаялъ я и тебя тамъ найти, то представлялъ себѣ, что соединюсь тамъ со всѣми любезными мнѣ въ свѣтѣ предметами.

О мой великодушный, мой возлюбленный братъ, возопилъ Гистаспъ, должно ли мнѣ торжествующую пальму, яко заслуженіе твое побѣдою надъ твоими страстями, сплести съ печальными кипарисами? Да! помоги мнѣ нести сіе тяжкое бремя скорби, и вѣдай, что нашъ праведный и добрый родитель свою отмѣнную склонность ко мнѣ, увѣнчалъ своею жизнію. Ахъ! если ли бы онъ кормило царства удержалъ въ премудрыхъ рукахъ своихъ, то безбожный Аргіасбъ, повредившій святое его уединеніе, трепеталъ бы отъ сѣни престола его, который ввѣрилъ я другу всѣхъ родовъ лютости, который оставилъ я учредителю всѣхъ степеней вѣроломства въ добычу, и днесъ тщетно сожалѣю, предавъ толь постыдно порученное мнѣ почтенно наслѣдіе.

По семъ слѣдовало долгое молчаніе между обоихъ Государей, кои въ крѣпкихъ объятіяхъ опустили головы свои на траву и смѣшивали слезы, проливаемые по достойномъ родителѣ своемъ, съ совершеннымъ забвеніемъ собственной судьбы своей, доколь Кецри нарушилъ плачевное сіе дѣйствіе, увѣдомя ихъ, что хозяинъ нетерпѣливо желаетъ ихъ видѣть.

Вновь оживленныя очи старца сего, возблистали вѣрностію и подобострастіемъ при взорѣ на Гистаспа, коему говорилъ онъ:

Хотя я медлю жить, о Государь! не токмо чтобъ повиноваться твоему повелѣнію, но и въ надеждѣ видѣть солнце славы твоей свѣтящее въ новомъ сіяніи, когда лучи добродѣтелей твоихъ прогонятъ облаки противностей; однако смерть есть толь хитрый и прозорливый осаждатель, который имѣетъ тысячу путей овладѣть крѣпостію жизни, что намъ не должно терять ни минуты времени, обращаемаго къ исполненію нашихъ должностей.

За нѣсколько времени поправляя обвалившееся мое жилище, нашель я неизчислимое сокровище золота и дорогихъ камней, зарытаго рукою скупости или осторожности въ нѣдра матери своей земли. Хранилище сего безмѣрнаго богатства есть пространный погребъ съ сводами, который въ случаѣ нечаяннаго нападенія можетъ охранить твою освященную особу. Содержаніе онаго можетъ не только помочь къ достиженію на престолѣ, но и удовлетворить многимъ несправедливостямъ, кои претерпѣли твои подданные. Дай небо, чтобъ сей подарокъ щастія, который я дѣйствительно презираю, и коего вредную цѣну искалъ я сокрыть отъ несчастныхъ сыновъ моихъ, былъ источникъ истиннаго добра въ рукахъ моего Монарха, имѣющаго неоспоримое на оный право.

Входъ подземнаго сего мѣста скрыля я съ таковымъ искусствомъ, что хотя мои дѣти, отъ коихъ безразсудности, о горе! я довольно уже безопасень и кои при найденіи онаго были, съ того времени онаго сыскать уже не могли. Кецри, коему открылъ я мое таинство, можетъ привести тебя туды. Не удивляйся, что я полагаю въ немъ таковую довѣренность. Почтеніе мое къ

сему достойному мужу приписывается давнему времени; ибо я въ юности моей видѣлъ онаго въ палатахъ Локмановыхъ.

Послѣднія слова сіи привели Кецрія нѣкоторымъ образомъ въ замѣшательство. Онъ искалъ отвлечь примѣчаніе Государей, и предложилъ имъ осмотрѣть погребъ. Они согласились на то болѣе во угожденіе прозьбамъ великодушнаго своего хозяина, чѣмъ по любопытству или любоимѣнію, несообразному печальнымъ и благороднымъ душамъ ихъ.

Между тѣмъ однако при взорѣ на пирамиды дорогихъ камней, и кучи золота, находящіяся въ пространномъ погребѣ, изумились, и здѣдади заключеніе, что оное принадлежало величайшему Монарху прежнихъ временъ. Гистаспъ выходя вонъ, возвелъ не значай взоръ на мраморную надпись, и вскричалъ:

Здѣсь персть судебъ назначилъ опредѣленіе участи моей. Здѣсь почиваетъ достославный Гемшидъ, который съ своимъ неизмѣримымъ сокровищемъ пропалъ отъ свѣта, когда вѣроломный Цохакъ похитилъ корону его. Здѣсь недостойный Гистаспъ нашелъ послѣднее свое убѣжище въ драгоцѣнномъ сообществѣ Монарха, которому уподобился онъ въ нещастіяхъ, но о горе, не въ добродѣтеляхъ.

Престань, о! престань съ сими болѣзненными замѣчаніями, сказалъ Цериръ; и когда тебѣ сіе чудное приключеніе предвѣщаешь пріятнѣйшую перемѣну щастія: то не очерняй блистающей характеръ чернилами неблагороднаго отчаянія.

Можетъ ли сильное золото быть не способно исцѣлить раны, произведенныя имъ въ чести и вѣрности? Можетъ ли Гіамасбъ имѣть предъ нами преимущество, когда мы употребимъ егожь средство подкупленія, для обращенія Иранцовъ къ ихъ должности? Нѣтъ, я не обвиню челоуѣковъ таковымъ превратнымъ чувствованіемъ; я спѣшу учинить опытъ.

Разумные совѣты престарѣлаго мужа, увѣдомленія Кецріевы, который по часту ходилъ въ ближнія деревни, и нѣжныя прозьбы Гистасповы удержали похвальный жаръ Церировъ къ возстановленію на престолъ брата своего; на конецъ одержала верьхъ нестерпимость его ревности. Какъ былъ онъ Иранцамъ еще незнакомѣе, чѣмъ низверженный и толь долго неприступнымъ бывшій ихъ Монархъ, понеже забвенъ былъ въ кровавомъ объясненіи права своего отъ Гіамасба: то уговорились они, чтобъ испытать ему дѣйствіе непреоборимаго золота въ сосѣдственныхъ поселянахъ и воинахъ стрегущихъ границы, но съ условіемъ, чтобъ тотъ часъ возвратился съ извѣстіемъ о слѣдствіяхъ.

Надменный пламенными надеждами Цериръ, не столько ощущалъ горестъ разлуки, столько нещастный братъ его, но вскорѣ онъ сталъ печальнѣе сего, когда нашелъ, что блистательныя посулы его презираются, дабы только вкушать сію всеобщую отраду, на которую неправедный завоеватель только сквозь пальцы взирать долженъ, обнадеживая

обманутыя имъ сердца: понеже, хотя Иранцы презирали Гіамасба, но трепетали отъ имени своего законнаго Царя, и боялись больше представленіемъ себѣ порядка вновь настать имѣющаго, чѣмъ угнѣтенія претерпѣннаго при его владѣніи.

Гнѣвный Государь возвращался мрачною стезею неудачи, и съ намѣреніемъ удалился пути, ведущаго его въ пустыню, дабы миновать опасности, ему послѣдовать могущей, какъ вдругъ увидѣлъ онъ пріятную сѣнь, насажденную рукою искусной природы. Утомленный полуденнымъ жаромъ и печальными размышленіями, спѣшилъ онъ въ прохладную сію застѣнь; гдѣ увидѣлъ на берегу чистаго потока разбитую богатую полатку, отъ лѣнивыхъ стражей оставленную въ попеченіе двумъ прекраснымъ собакамъ, кои въ травѣ кругомъ спали, надѣясь на бодрствіе своихъ несмысленныхъ охранителей.

Когда онъ съ удивленіемъ между оными увидѣлъ двухъ невольницъ, данныхъ отъ него Ситарѣ, и которыя при удаленіи ея отъ Двора за нею послѣдовали, и когда онъ изъ сего дѣлалъ щастливое предзнаменованіе; четвероногіе стражи, взиравшіе на него примѣчательно, оставили вдругъ караулъ свой, уступя старую дружбу новой должности, дабы удовольствовать своей врожденной склонности.

Вѣрность звѣря, толь мало подражаемая, и отъ человѣкъ довольно мало уважаемая, напомянула Цериру знакомое сравненіе, и возбудила въ сердцѣ его чувствованіе нѣжности и благодарности, кое толь чисто и справедливо, когда оное сообщается къ существу невинному и услужливому, котораго заслуга и разумъ только отъ недознанія предразсудковъ и лютой гордости сумнѣнію подвержены.

Какъ сіи два любезные звѣря были его любимцы, которыхъ подарилъ онъ Принцессѣ Дилемгкой, то присутствіе оныхъ и видъ приглашенія подтверждали въ надеждѣ, что дражайшая другиня его находится въ близости. Онъ вошелъ въ полатку, и приблизился къ постелѣ, завѣшенной обширнымъ багряничнымъ занавѣсомъ, дрожащими и осторожными шагами сумнительнаго ожиданія; но едва съ боку Ситарина увидѣлъ очаровательную красавицу, которая равно какъ подруга ея вкушала сладость сна, то познала душа его первую власть, коей была подвержена, и почти забыла отъ восторга обыкновенное упражненіе свое спѣшитъ къ возлюбленному предмету.

Солнце красоты, отъ коего сіянія онъ толико упорно отвращалъ главу презрѣнія, проницало неугасимымъ пламенемъ любви сквозь желательные взоры его ему въ сердце, и вничтожало сіи слабыя и гаснувшія искры, кои неистовство его нрава раздуло было къ его погибели. Онъ находился въ расположеніи болѣзненнаго напоминовенія и ужаса, какъ рука, которыя ослѣпляющая бѣлизна и пріятное движеніе ему не столь была незнакома, какъ прекрасное тѣло, къ коему она принадлежали, невзначай коснулась

уста его, и повергла его въ непреодолимое восхищеніе; отъ чего Перизада проснулась.

Ясное небо голубыхъ очей ея при взглядѣ на Церира мгновенно покрылося облаками, и спокойные лучи его обратились въ молнію гнѣва. Ея сладкій, и днесъ сильными и необычайными движеніями измѣненный голосъ, возгремѣль слѣдующія слова:

Бѣги присутствія оскорбленной Перизады, дерзскій измѣнникъ! или зри мстительный кинжалъ, который ея до подлости вѣрное сердце за долговременное отъ тебя терпѣніе освободитъ отъ несносныхъ поруганій.

Сказавъ сіе разгнѣванная Принцесса, обратила остріе грозящей стали въ грудь свою. Цериръ во ужасѣ, подкрѣпившемъ слабость силъ его, дошелъ вспять только до дверей намета. Тутъ палъ онъ безчувственъ между обѣихъ собакъ, которые сострадательнымъ воемъ, казалось, просили ему дружескаго вспоможенія.

Ситара бросилась на вой сей. Попечительная ея нѣжность имѣла свое дѣйствіе. Онъ опомнился, и слышалъ ее къ себѣ говорящую:

Удались отсюда, несчастный Король, когда на конецъ требуетъ сего цѣна Церизадиной жизни и покой Ситары, принесшей тебѣ жертву, отъ коей слабая ея душа трепещетъ. За чѣмъ не слѣдовалъ ты въ Туранъ, какъ я тебѣ совѣтовала? когда мнѣ не безъизвѣстны были опасности, кои ожидали тебя въ сей вѣроломному тиранну подверженной землѣ, который заклѣлся пролить всю до капли дражайшую кровь рода твоего. Ты конечно не припишешь сего къ подлой ревности, что я безуміе твое къ Цуликѣ употребила въ пользу, и старалась о твоей безопасности, назнача тебѣ ложный путь? Избавь небо, чтобъ далъ ты мѣсто въ себѣ таковымъ вреднымъ мыслямъ во время, когда я покою моему на олтарѣ великодушныя любви послѣдній ударъ произвела.

О никогда, никогда, вопилъ Цериръ, не сумнѣвался я о величествѣ души твоей. Твои возвышенныя намѣренія были единая доска, оставшаяся мнѣ отъ сего довольно заслуженнаго кораблекрушенія. Ты одна можешь избавить меня изъ сей пропасти отчаянія, въ которую низвергъ меня праведный гнѣвъ божественной Перизады, или по крайней мѣрѣ испросить милость умереть предъ ея ногами,--

Слушай!-- перервала слова его Ситара. Не слышишь ты топоть приближающихся всадниковъ, кои грозятъ мнѣ погибелью чести моей - - жизни - - Бѣги отсюда - - - возвратись въ твое Королевство - - - Цалцеръ - - - о! уклоняйся отъ него - - - Я испытаю примирить Перизаду. Простимся на вѣки въ сіе мгновеніе - - - на вѣки! страшное слово! могу ли я произнести оное и жить?

Цериръ несообразными словами Ситары былъ приведенъ въ великое замѣшательство. Но какъ въ испуженныхъ взорахъ ея видѣлъ дѣйствительность предвѣщаемой себѣ опасности: убѣжденъ

благодарностию, повиновался ей, или лучше сказать, возвратился къ добродѣтели, которая толь долго изгнанна была изъ неистовой души его.

Гистаспъ чрезъ новое случившееся брату его несчастіе сталъ печальнѣе, нежели отъ полнаго уничтоженія своихъ собственныхъ надеждъ, и старался утѣшить его слѣдующимъ:

Довольно извѣстное дѣло, любезный другъ! что послѣ бури любовной всегда наступаетъ яснѣйшее небо; для чего не прилѣпляешься ты къ такому помышленію, вмѣсто что проходящему гнѣву Перизады присвояешь понятіе вѣчности, кое впечатлѣло въ мысль твою послѣднее отчаянное выраженіе Ситары? О! забудь страшное слово на вѣки, которое душу, по мѣрѣ ея слабости понимать безконечное, ужасать должно, или плачевный стонъ сообщить сердцу моему заразу безпокойства, которымъ твое объято.

Хотя я не отверзалъ устъ моихъ жалобамъ гораздо пронзительнѣйшей печали, нежели мои несчастія, но любви достойная моя Кенаія всегда присудствуетъ въ моихъ помышленіяхъ. Заблужденіе, естли думать, что неудовольствованная страсть крѣпче утвержденной взаимною нѣжностію склонности. Нѣтъ, въ пять лѣтъ я довольно извѣданъ, что прошедшія удовольствія всеминутно возвращаютъ памяти тысячи напоминовеній, кои огорчаютъ и снѣдаютъ жизнь продолжительнымъ ядомъ скорби. Премудрость не можетъ удержать ядъ сей въ его дѣйствіи: только безуміе дикаго окамененія, которое пріятное растѣніе челоуѣчества доизкорененія повреждаетъ, можетъ учинить сердце не такъ чувствительнымъ къ потерянному своему благополучію. Можно ли отнять у онаго право, по ощущенію безпрестаннаго недостатка чувствованія, которое несвѣдомо недостижими меты своихъ хотѣній, чтобъ не быть тѣмъ больше жалости достойну?

Цериръ былъ изумленъ отъ необыкновеннаго страдательнаго восторга брата своего, и отвѣтствовало, вздохнувъ:

Какъ я несчастнымъ случаемъ коснулся струны, могущей разстроить наше согласіе: то оставимъ таковыя разговоры, или будемъ говорить о тѣхъ, кои укрѣпляютъ старый нашъ союзъ. Я вижу, что мы можемъ бремя печали нашей увеличить, когда другъ друга утѣшать ищемъ. По сему соединимъ мы себя такъ въ страданіи, какъ соединены въ дружелюбіи. Воздвигнемъ мы храмъ отчаянію, коего зданіе состоитъ изъ печальныхъ кипарисовъ, мрачныхъ тисовъ и несчастныхъ розмариновъ. Тамо будемъ мы повторять слово навѣки, не споря инако кромѣ слезами, кто наилучше можетъ ощущать ихъ впечатлѣніе.

Гистаспъ принялъ предложеніе, и тотъ часъ произвелъ оное съ ревностію, сходственною дѣламъ, коихъ жаръ долженствуетъ питаться какимъ нибудь предметомъ. Старикъ и Кецри подражали печальнымъ расположеніями ихъ, ибо то казалось имъ лучшимъ средствомъ къ подкрѣпленію

злополучныхъ Монарховъ въ бремя ихъ неблагоденствія. Понеже довольно вѣдали, что естественныя чувствованія суть щить противу искусства страстей, и что и самое нещастіе въ любви имѣетъ свои прелести, достаточныя привести въ забвеніе искусительную, но пустую гордость величества. Древета, кои научили приклонять суровыя ихъ вѣтви, для изображенія сего святилища скорби, во время продолженія года распространили мрачность тѣни своей. Птички, обитатели оныхъ, научились уже повторять снова: Цериръ на вѣки утратилъ божественную Перизаду, Гистаспъ на вѣки разлученъ отъ любви достойной Кенаи; но оба они желаютъ на вѣки остаться въ раскаяніи и братней любви; какъ унывный нзпѣвъ сей нарушенъ почтеннымъ Ацимомъ, коего ввелъ къ Государямъ симъ Кецри. Оный говорилъ къ нимъ тако:

Оставьте, Государи, сіе обиталище скорби, и послѣдуйте за мною жилище утѣшеніе. Премудрый Локманъ приглашаетъ васъ къ наступающему открытію Лавиринѳа, обѣщаетъ покровительство свое въ семъ дальнемъ пути, коего водительство ввѣряетъ моему попеченію. Спѣшите стопами проворства вступить на стезю надежды: ибо когда опытъ сердець вашихъ здѣланъ, то доброе послѣдство онаго отвергаетъ вамъ врата милости.

Монархи оказали благодарности свои Къ Локману. и преданіе свое на его волю, и привѣтствовали Ацима весьма дружественно. Въ послѣдующее утро оставили они съ непритворными слезами любви своей плачевное уединеніе, простясь нѣжно съ великодушнымъ другомъ, и поруча покой его старанію Кецрія.

Разумный Ацимъ, имѣющій достаточное число провождателей, для удержанія обыкновенныхъ оскорбительныхъ случаевъ; но по видимому не былъ онъ въ состояніи выдержать сильное нападеніе: почему съ царствующими путешественниками избиралъ проселочныя дороги, и ѣхалъ весьма медленно. По таковой предосторожности видѣли Государи сіи, что Ацимъ не очень надѣется на упованіе къ Локману; но опасались привлечь неудовольствіе его въ случаѣ непослушанія.

И такъ они прибыли въ Лавиринѳъ не прежде, какъ въ самый день опыта, и тотчасъ допущены къ обыкновенному изысканію.

Замѣшательство и страхъ водительствоваши стопы ихъ по стезямъ, кои они прежде проходили безпечно, и безпокойство ихъ усугублялось при новыхъ закоулкахъ, изъ которыхъ имъ вытти надлежало. Трепещущей рукой срывали они цвѣты, и съ ужаснутыми взглядами искали въ очахъ Локмана приговору судебъ своихъ, который отпустя всѣхъ постороннихъ, и повѣля служителямъ своимъ поудалиться, говорилъ къ нимъ сіе:

Привѣтствую васъ, владѣтели, троекратно привѣтствую васъ отъ того, коего слуга есмь, и который въ милосердіи своемъ простилъ ваши погрѣшенія, возвратилъ опять сердца ваши добродѣтели, и благословилъ

неусыпныя заботы, въ которыхъ я слѣдовалъ за слѣдами вашими по мѣрѣ трудностей, мною предвидѣнныхъ.

Приклоните слухъ къ моимъ цѣльбоноснымъ предписаніямъ, и воспоминаніе вашего дорогокупленного познанія въ печатлѣйте во умы ваши буквами вѣчно незагладающимися. Но дабы воспоминаніе вашихъ заблужденій не отяготило слухъ вашъ, и вашу опредѣлительную силу въ разсужденіи способностей моихъ не обмануло, то долженъ я открыть вамъ средства, по коимъ я вѣдалъ о вашихъ поступкахъ, и право, кошорымъ достигъ до наставленія и призора надъ вами.

Со времени, когда вы въ первые гласомъ невинности искали моего покровительства, и съ пылкостью юношества оставили мои полаты, служители мои послѣдовали стопамъ вашимъ. Когда я не могъ препятствовать свободной волѣ вашей, то по меньшей мѣрѣ показывалъ лучшія заключенія къ вашему вознамѣренію. Когда не позволено мнѣ было избавить васъ отъ несчастій, въ кои повергало васъ неразумное ваше поведеніе, то искалъ однако я оныя облегчить. Я послалъ Сагеба на помощь Цериру, и по повелѣнію моему Кецри не выпускалъ изъ газъ Гистаспа. Да! точно такъ Царь, Кецри былъ увѣдомившій Ацима о твоёмъ невольничествѣ, и приведшій его въ состояніе искупить тебя. Онъ былъ наставившій добраго Афрасіаба исполнить хотѣніе твое и мое желаніе въ особѣ Принцессы Кенаи, и сія съ намѣреніемъ была послана въ дѣса Карецмскіе, чтобы сердца ваши прежде рукъ вашихъ соединились, и тѣмъ утвердился прочнѣйшій миръ между обоихъ народовъ.

Вѣрный Кецри былъ свидѣтелемъ храбрости твоей, когда освободилъ ты Туранъ отъ двухъ пожирающихъ чудовищъ. Онъ трепеталъ отъ опасности, когда ты противу совѣтовъ Ацима и Сагеба, вызывалъ запалчиваго своего брата. Печальные очи его долго устремлены были на непрístupные полаты твои, и съ быстротію истинныя склонности, бѣжалъ онъ по слѣдамъ твоимъ, въ хижину, куда привело тебя провидѣніе.

Онъ далъ мнѣ радостное извѣстіе, что ты учинилъ горестное признаніе, отъ коего зависѣла переменна сердца твоего и щастія, и я исполнилъ мое обѣщаніе видѣть тебя опять въ полатахъ сихъ, чтобы увѣриться о тебѣ новыми опытами о твоихъ расположеніяхъ и совѣтахъ разума. Я готовъ тебѣ сообщить мои, но прежде открою тебѣ настоящую пропасть бѣдствій, въ кою низвергло тебя твое упрямство.

Измѣнничество Аргіасбово было опаснѣйшее между оными. Онъ возмутился, когда ты противъ совѣта Гудерцова, занялъ часть Карецма, ему надлежащую. Къ тому же присоединяется гоненіе брата твоего онъ разбойниковъ, коихъ ты неразумно противу возраженія Ацимова наградилъ. Далѣе вѣдаешь ты, что твое собственное паденіе слѣдовало по порядку противностей, кои допустилъ ты претерпѣть твоимъ подданнымъ. Дѣйствіе своевольнаго твоего ослѣпянія было, когда ты предалъ себя

человѣку, котораго пороки исключили его отъ престола, на который возвысили тебя добродѣтели отца твоего.

Но какъ столько противностей безъ суменія проистекало изъ столь долго неизвѣстнаго ненавистнаго источника: то не меньше справедливо, что каждое твое доброе дѣяніе произвело щастливое приключеніе. Твое великодушіе во освобожденіи твоихъ враговъ отъ ихъ пожирающихъ опустошителей служило ко освобожденію самого тебя отъ висящей опасности. Великодушіе твое проживу обоихъ Принцовъ, комъ отдалъ ты трофеи твоей храбрости, доставило не токмо супругѣ твоей безопасное прибѣжище; но и возводитъ тебя опять на твой престоль. Ибо Фирцана, который наслѣдовалъ подлomu и вѣроломному Аргіасбу, и тебѣ обязанъ короною, благодарность свою чрезъ то явилъ, что послалъ въ Иранъ сильное войско подъ начальствомъ Сагемовымъ, который яко военачальникѣ утвердилъ то преимущество надъ Гіамазбомъ, кое имѣлъ, бывъ Везиремъ, побилъ онаго на голову, Кенаію на престоль возвелъ, и мудрыми распоряженіями открылъ тебѣ путь въ сердца твоихъ подданныхъ. На конецъ человѣколюбіе твое къ огорченному старику твоему хозяину, учинило безопаснымъ прибѣжище твое отъ поисковъ злобы.

Жестокой искуситель дѣтей стариковыхъ, который въ сраженіи опасно ранень, и въ ономъ состояніи отъ развращенныхъ юношей ограблень оружіемъ, свѣдалъ отъ нихъ о найденномъ отцемъ ихъ сокровищѣ. Какъ онъ лѣжалъ долго при смерти, то сія важная тайна несправедному завоевателю не прежде пришла во уши, какъ когда уже былъ онъ низложено. Въ сіе исполненное надежды прибѣжище ушли Гіамасбъ и Цороастръ, подъ предводительствомъ ихъ адскаго переносчика вѣстей, и вмѣстѣ со онымъ заперты въ подземномъ сводѣ прозорливымъ старикомъ и бодрственнымъ Кецріемъ.

Здѣсь сіи кровавыя ехидны растерзаны зубами глада посреди блестящихъ веществъ, изъ коихъ высасывали они ядъ свой, обратя другъ противъ друга свои смертоносныя жалы, и подъ ужасными мученіями желая проклятую жизнь свою продолжить, хотя на одну томительную минуту. Страшная, но недовольная казнь за неисчетные ихъ пороки!

Возвратись потому въ Герать, гдѣ добродѣтельная Кенаія съ нетерпѣливостію любви ожидаетъ твоего прибытія, и скучные часы свои сокращаетъ тѣмъ, что научаетъ невиннаго младенца своего, нечувствующаго приключеннаго ему оскорбленія, бросишься къ тебѣ съ разверстыми объятіями И понеже твои прежніе проступки суть страшное наставленіе для Монарховъ, считающихъ свое порочное упрямство за великодушное постоянство, то оставь будущее поведеніе твое въ равномѣрный примѣръ имъ, что, когда познаніе заблужденія, слабому разуму толь горько кажущееся, свидѣтельствуешь о величіи души, показываетъ оно притомъ способности поправить худыя онаго слѣдствія.

Но всего больше обращай крайнее твое раченіе, удержать заразу безбожнаго суевѣрія, кою распространилъ ты въ своемъ царствѣ. Сей порокъ есть таковой, за который ты не можешь воздашь инако, какъ склоня всѣхъ поданныхъ твоихъ къ чистому и простому богослуженію твоихъ предковъ, и каждому предлагающему новое ученіе, отказывая сими словами: Каждаго человѣка должность оправдывать дѣянія свои къ своему создателю; а не пути создателя своего оправдывать предъ человѣки.

Что до тебя лѣжитъ, Король Цериръ, коего проступки были не изъ столь мрачной краски, то чувствительность твоя скончала твои наказанія. Вѣдай, что твой преизящный Везиръ, котораго въ безуміи своемъ искалъ ты смерти, коего вѣрность обвинялъ ты въ волнительномъ бунтѣ разгоряченной черни, во второй разъ приобрѣлъ тебѣ корону, потерянную твоими глупостями, что онъ сильнымъ краснорѣчіемъ добродѣтели, подданныхъ твоихъ очень скоро воззвалъ къ должности, и охладилъ мщеніе по справедливости разъяреннаго твоего непріятеля, и что на конецъ великодушную Ситару уговорилъ, быть цѣною мира, и принять руку влюбившагося въ нее Цалцера, который въ соединеніи своемъ съ сею добродѣтельною и любви достойною Принцессою вкушаетъ благоденствіе предъпочтенное имъ мудро немирному честолюбію.

Знай далѣе, что воздержность и умѣренность есть та добродѣтель, коя тебѣ нужна. Сіе приобрѣтеніе досталъ ты сердцу своему чрезъ благородное и добровольное пожертвованіе страстью своею, и уступкою Елиху ему надлежащаго, коего благословенія доставляютъ тебѣ исполненіе сердечнаго твоего желанія.

Перизада въ моихъ полатахъ. Прими свою обыкновенную пылкость, и спѣши и предстать прелестному предмету твоей благооснованной любви, приведи ее ко мнѣ примиренну и соглающуюся на твое щастіе, и я съ радостію перемѣню долгъ строгаго укорителя на упражненіе нѣжнаго родителя.

О ты, возгласилъ Цериръ, котораго ты не инако разумѣешь, какъ существомъ чрезъестественнымъ не зриай на скромность твою, коя склонена увѣрить насъ о противномъ, какую дань благодарности или должности заплатимъ мы тебѣ, чтобъ было то соразмѣрно обязанности нашей и твоихъ безконечныхъ милостей. Но я оставляю брату моему, естли возможно, выразить чувствованія своего и моего сердца, и слѣдуя приказу твоему, бѣгу принять неоцѣненный даръ небесъ и твоей щедроты.

Перизада, равно какъ и Монархи, приглашена была въ Лавиринѣ; но отъ опыта была пощажена премудрымъ; ибо онъ читалъ въ ея Ангельскомъ видѣ праведность и чистоту ея сердца очень явственнно, и тающую ея душу усладилъ надеждою. Она избрала жилище себѣ въ одной изъ множества комнатъ находящихся въ палатахъ Локмановыхъ ко услугамъ разсуждающаго уединенія. Тамъ ожидала она съ ужасомъ любовнымъ

слѣдствій испытанія, какъ прекрасные юноши, приносящіе ей ежедневно сладкую жертву невинныя ея заботы, ввели къ ней Церира.

Влюбленный Король, поверженный но колѣни, просилъ помилованія, кое давно уже имѣлъ на своей сторонѣ. Уста его обыкновенное свое упражненіе оставили своимъ разительнымъ очамъ, коихъ краснорѣчію не могла она долго противиться, и отвѣтствовала:

Не производи, мой Король, чрезмѣрною живостію раскаянія твоего стыда, замѣшательства на щекахъ моихъ; ибо увѣрена я, что я сама заслуживаю укороенія, жестокимъ страстямъ надлежащія. Между тѣмъ можно меня отъ части извинить, что мои непристойныя выраженія въ послѣднее наше свиданіе были бѣдствіе, на коемъ утверждалось взаимное наше счастье. Терпѣніе, по замѣчаніи Локманову, есть добродѣтель, которая полу моему въ распространеніи своемъ относится въ презрѣніе, такъ какъ недостатокъ умѣренности мушину приводитъ въ заблужденія.

Но присутствіе твое въ семъ мѣстѣ возвѣщаетъ мнѣ, что время опыта нашего кончилось. Встань, любезной Церирь, пойдѣмъ къ премудрому. Когда опредѣленія его, которымъ я себя безъ противленія подвергаю, выдутъ согласны моимъ ожиданіямъ: то взаимное наше почтеніе вскорѣ угаситъ память нашихъ погрѣшностей.

Сладостная скромность Перизадины восхитила Церира еще больше красоты ея. Въ безмолвномъ довольствѣ схватилъ онъ поданную ею руку, которыя владѣніемъ обнадежилъ Локманъ на вѣки любовь его.

Такъ дозволило въ сей разъ счастье, чтобъ чувствительность увѣнчана была вѣнцемъ удовольствія, и постоянство воспріяло заслуженное благополучіе, дабы доказать въ примѣрѣ Перизадиномъ, что добродѣтели нѣтъ невозможнаго.

Обыкновенное торжество, съ каковымъ обычайно происходило празднество Лавиринѳа, не нарушило восхищеній обоихъ счастливо влюбленныхъ. Ихъ сами въ себѣ стекающіяся, и неизрѣченными чувствованіями наполненныя сердца, не удерживались, кромѣ лучами истинныя склонности вливаемыми при взглядахъ на Локмана, и искрами радости вылетающими изъ очей Гистасповыхъ.

Когда въ слѣдующее утро возстали они съ ложа восхищеній, повелъ ихъ Локманъ въ препровожденіи Монарха Иранскаго въ покрытый ходъ Лавиринѳа, гдѣ воздвигались рѣзныя изображенія явившихся при опытахъ отмѣнно изящными.

Тамо Перизада съ обоими Государями видима была въ полный ростъ, представленый рукою толь искусною, что Церирь вскричалъ:

О! сіе по истиннѣ есть дѣло Геніевъ [духи]! Никакой смертный не могъ бы сего довести въ такое совершенство.

Имянованіе Геній, отвѣтствовалъ Локманъ, по справедливости налагается совершеннымъ въ искусствѣ, и впредь долженствуетъ быть имъ отдаваемо и

отъ великой толпы завистливыхъ, которые воздаютъ мнѣ честь, предлагая, что они сіе презирають, и труды таковыя осмѣивають.

Но откуда происходитъ, что человѣкъ вообще, который надъ нѣкоторыми малыми ничего значущими преимуществами, имѣемыми имъ предъ прочимъ множествомъ тварей, толь гордъ есть, существамъ и выше его сферы состоящимъ толь великую прилагаетъ цѣну, что не осмѣливается достигнуть самъ оныхъ презрѣдства? По истиннѣ оное не есть недовѣрчивость къ своимъ собственнымъ способностямъ, но нераченіе, которое свѣтъ распространеніемъ своимъ отъ вѣка въ вѣкъ запутываетъ въ невѣжество.

Сіе должно приписать мнимому изобрѣтенію искусства за ново считаемой системы наукъ, въ каковой чести спорствуютъ народы, и утверждаютъ оное на нѣкоторыхъ особливыхъ точкахъ времени, равно какъ, будто бы нашедшій искру огня въ кучѣ золы, имѣлъ право присвоить себѣ, что онъ и самый огонь создалъ.

Нѣтъ, чудная книга природы была первому человѣку также отверста, какъ будетъ и послѣднему; но не многіе читають оную такъ, чтобъ открытія ея учинить вѣчными. Они стремятся къ причинамъ, вмѣсто чтобъ дѣйствіе обращать къ доброму употребленію; и глупая вражда ихъ вооружаетъ гордость недовѣрчивостію, и повергаетъ слабость въ пропасть суевѣрія.

Названіе очарованнаго, которое подлость наложила Лавиринеу, есть доказательство послѣднему доводу. Между тѣмъ однако я къ познанію сего, которое по силѣ обѣщанія моего открыть долженъ, достигъ весьма естественными средствами.

Съ словами сими повель премудрый царственныхъ гостей своихъ въ бесѣдку, покрытую листвіемъ, посадилъ ихъ тамъ на земляныхъ скамьяхъ, и продолжалъ рѣчь свою:

Я прежде упомянулъ уже, что остроумнѣйшее испытаніе причинъ есть путь къ ослѣплѣнію нашему въ разсужденіи дѣйствіи: то вы легко понять можете, что я особое разнообразіе между цвѣтовъ и страстей человѣческихъ извѣдалъ, не по испытаніямъ и размышленіямъ.

Подобно какъ инстинктъ {*Инстинктъ, понужденіе или наклоненіе къ дѣйствіямъ въ животныхъ.*} животныхъ испытателямъ естества служилъ къ наукѣ о добротѣ насажденій и ихъ дѣйствіи въ крови человѣческой, такъ время-провожденіе юношества моего наставило меня въ разнообразіи, которое наши страсти, въ крови возстающія, и къ очищенію духа ниспосылаемыя, имѣють съ сими нѣжными произведеніями природы, кои больше предъ прочими растѣніями требуютъ чистаго ефинарго огня, дабы достигнуть къ совершенству ихъ преизящнаго запаха и прекрасныхъ тѣней въ цвѣтахъ.

Общество посредствомъ благосклонныхъ ко мнѣ предразсудковъ, чему обязанъ я за прилѣжаніе мое въ сообщеніи оному плодовъ, собираемыхъ

мною съ плодоноснаго древа ученія, привело мня въ состояніе распространить мои наблюденія. Отъ давнаго времени юношество обоихъ половъ присылается въ полаты мои, яко нѣжное насажденіе къ искусному садовнику, чтобъ быть воспитанну во очахъ прилѣжнаго присмотра.

Когда я малыя обстоятельства толь драгаго повѣряемаго мнѣ добра препоручалъ надежнымъ рукамъ, то всегда самъ о благѣ мнѣ отданныхъ назиралъ боязненными очами родителя. По часту водилъ сіе склонное къ забавамъ общество самъ на пестрые луга, или въ увеселительные сады, и примѣчалъ, что они, по ихъ различнымъ правамъ и врожденнымъ склонностямъ, оказывали особое удовольствіе или несклонность къ тому или иному цвѣтку; и хотя я тогда Феномену сію изъяснить не разумѣлъ, да и теперь едва ли понимаю; но чрезъ повторяемые опыты увѣренъ въ неопровергаемой истиннѣ.

Между тѣмъ дѣйствующей возможности разсужденій я не давалъ быть въ праздности. Когда видѣлъ я открытосерднаго или благонаравнаго мальчика, или живностную и невинную дѣвочку, привлекаемыхъ цвѣткомъ розы; то находилъ я между оными и симъ въ видѣ и запахѣ толь совершеннаго цвѣтка нѣкое сходство. Я видѣлъ члены Симпатіи между кроткими чувствованіями и сладкимъ обоняніемъ фіалки, между слабостію и низкими маргаритками, между постоянствомъ и неувядающими амарантами, между чистотою и бѣлизною лиліи. Я примѣчалъ, что горячаго сложенія плѣняемы были туберозою; жадные къ чувственности крѣпкимъ, но пріятнымъ запахомъ Шпанскаго нарциза; роскошные увеселяющимъ духомъ жасмина, и умѣренные прелестнымъ смѣшеніемъ тѣней и запаха гвоздики. Въ сіяющей и постоянной живости миртовыхъ листовъ и нѣжныхъ его цвѣтовъ, находилъ я причины, для чего избираются оныя способными къ вѣрной любви. Я понималъ удобно, для чего суетная дѣвица срывала пестрый беззапахный тюльпанъ, и надменный юноша избиралъ цвѣтокъ простаго нарциза.

Словомъ, каждый пріятный или противный очамъ или обонянію цвѣтъ, производилъ мысли, подтверждающія мнѣніе мое о сходствѣ между онымъ и какою нибудь нашею страстію; и на конецъ, когда я замѣтилъ, что всякой, въ разсужденіи того, предался ли онъ страстямъ своимъ совершенно, или толико имѣлъ наклоненіе ко онымъ, срывалъ Цвѣтокъ совершенно развернувшійся, или только распускающійся: то вспало мнѣ въ умъ завести Лавирнию, и пріобщить къ оному силу привлекательныхъ Симпатій, въ томъ что каждую дорожку осадилъ я цвѣтами одинакаго рода, и дѣлалъ расчеты примѣчательно, которыхъ пространное объясненіе будетъ продолжительна и маловажна.

Я доволенъ, если оправдалъ заблужденіе ваше въ разсужденіи меня; но когда чрезъестественная сила хотя не есть жребій челоуѣка, но разумъ его пріемлетъ участіе въ самой крѣпости существа духовнаго, потому

упражненіе его достойное состоитъ въ томъ, чтобы собирать благодѣтельницающіе потоки, изливающіеся отъ вѣчнаго источника всякаго добра, и сообщать оныя своимъ собратіямъ.

Я испыталъ сіе, что благородное стремленіе къ поспѣшествованію всеобщія пользы, всегда провождается удовольствіемъ въ самомъ себѣ; по чему употребилъ я въ пользу наклоненіе человѣка къ удивительному, дабы мое всеобщее доброхотство обнадежить плодами изрядныхъ послѣдствъ. И хотя расположеніе моего Лавиринѳа не освобождено отъ нѣкоторыхъ погрѣшностей; но извѣстенъ я о моихъ добрыхъ намѣреніяхъ, и возлагаю упованіе мое на силу, всегда оныя награждающую.

Третьей послѣдней части

КОНЕЦЪ.